

6
512

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ ПРИКАМЬЯ

В. С. Бабушкин
ПРОФЕССОР
П. И. ЧИСТЯКОВ

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ ПРИКАМЬЯ

В. С. БАБУШКИН

ПРОФЕССОР
П.И.ЧИСТЯКОВ

Пермское
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1 9 6 2

Автор выражает глубокую признательность *Е. Н. Архангельскому, С. А. Ашихмину, П. С. Богословскому, А. Г. Вершининой, А. С. Дашевскому, Е. И. Корнеевской, М. К. Кунстман, В. А. Коркину, А. А. Любимову, М. М. Миславской, М. П. Морозовой, Р. И. Морозовой, А. И. Нестерову, В. В. Плешкову, К. М. Панушкиной, Е. И. Редкиной, А. Ф. Саначевой, А. Г. Святиковой, В. Т. Селезневой, А. П. Соколову, Н. М. Старикову, А. Е. Твердовой, К. Н. Черепнину, С. П. Чистякову* и многим другим товарищам, которые оказали большую помощь в сборе материалов о жизни и деятельности *Павла Ивановича Чистякова*, а также в работе над рукописью этой книги.

УЧИТЕЛЬ

Один из последних дней августа. Жара. Поднятая тысячами колес пыль висит над Казанским трактом, садится на скамьи больничного сквера, проникает во все щели.

Крайние окна на первом этаже старой Александровской больницы завешены влажными простынями. Здесь оперируют.

Эта угловая комната с блестящими стенами и светлым плиточным полом знакома выпускникам Пермского медицинского института. Некоторые приходили сюда и во внеурочное время, привлеченные искусством оператора-виртуоза. Боясь дыханием нарушить напряженную тишину, следили они за неуловимыми движениями пальцев в стремлении постичь мастерство офтальмохирурга.

... Вот и сегодня здесь группа врачей. Все внимание их приковано к спящему кружку операционного поля. Учитель по-прежнему оставляет себе самые ответственные операции. Но как непослушны теперь эти восковые пальцы, как много ненужных движений. Ученики уже не уступают ему в оперативной технике. Мало того, воспитанные учителем в принципе «только не вредить больному», они встревожены судьбой оперируемого глаза.

А для волнения были причины.

Ведь хирург, возвращающий зрение другим, сам слеп на правый глаз. Человек, которого беспокоит здоровье других, сам лишь на днях встал с постели, вопреки мрачным прогнозам опытных врачей. К тому же, сегодня он начал десятый десяток своего века. И когда операция кончается все-таки успешно, у каждого вырывается невольный вздох. Расходятся молча.

Обычный операционный день. Казалось бы, ничего нового. Однако и на этот раз шеф остался учителем. Собравшиеся неожиданно для себя осмыслили увиденное по-новому. Их поразило пример жизненной стойкости, какой позавидовали бы и герои Джека Лондона.

Кабинет профессора. Принесли почту: газеты, журналы, открытки, письма, телеграммы. Патриарха отечественной офтальмологии, заслуженного деятеля науки, доктора медицины профессора Павла Ивановича Чистякова поздравляют с 90-м днем рождения и 55-летием врачебной и научно-педагогической деятельности.

«СТРАНИЧКА ИЗ МОЕЙ ЖИЗНИ»

Родился он 15(27) августа 1867 года в селе Кома бывшего Минусинского уезда Енисейской губернии, теперь Красноярского края, в семье пономаря сельской церкви. Его отец — Иван Григорьевич Чистяков — был уроженцем Калужской губернии. Сверстников Павла Ивановича давно нет в живых, и мы ничего не узнали бы о ранних годах этого скромного и замкнутого человека, если бы не адресованные молодежи воспоминания, к сожалению неоконченные, которые он озаглавил «Страничка из моей жизни». Эти воспоминания невелики по объему — всего 13 страниц на пишущей машинке, написаны очень скупно, но живо, образно, и есть смысл привести их. П. И. Чистяков, говоря о своей семье, писал:

«Отец — сельский пономарь, мало чем отличавшийся от крестьянина, только грамотностью. Мать — крестьянка, грамоту освоила около нас, своих детей. Воспитание крестьянское и бурсацкое.

Будучи пяти лет от роду, потерял отца, который скончался от брюшного тифа. Мать переехала с детьми (нас было два брата) на жительство к своему отцу, моему деду, крестьянину-середняку (он жил в деревне Анаш того же Минусинского уезда — В. Б.). Детство протекало в деревне, в крестьянской среде. Первыми приятелями моими были крестьянские дети. Сельская обстановка хороша была для здоровья. Мать крестьянка, но не пустила меня по крестьянской линии. На девятом году жизни, в 1876 г., сдала для обучения в бурсу, подобную той, какую описал Помяловский. Правда, розги для вразумления детей в то время были уже

отменены, но вся старая бурсацкая закваска осталась: право сильного, пошлая грубость, мелкое воровство, хулиганские выходки — «дать вселенскую смазь», «показать Москву» и т. д.

Писарев проводил сравнение между «Бурсой» Помяловского и «Мертвым домом» Достоевского, и сравнение было не в пользу бурсы. Случалось, дети бежали из бурсы. Помню и вижу, как сейчас, одного такого малыша. Измученный бурсой, он бежал в родные места, плохо зная дорогу, и его вернули обратно вместе с белкой, которую он поймал в лесу.

Бурса прививала, однако же, чувство товарищества, артельности, жестоко карала наушничество. Но многие гибли. Подростки спивались: из нашего выпуска в 35 человек в семинарию, среднее учебное заведение, смогли поступить только 7 человек. А из этих семи двое уже через год оставили семинарию, не могли учиться, превратившись в хронических алкоголиков. И это в 16—17 лет! Меня спасли твердо усвоенные навыки, приобретенные в трудовой дисциплинированной деревенской семье, и страсть к чтению книг со старших классов училища. Не погиб, сохранился и поступил в семинарию в г. Томске. В семинарии первые четыре класса давали общее образование в пределах гимназических программ того времени, и только в 5—6 классах занимались богословскими науками. Из четвертого класса можно было выйти, сдать при гимназии экзамен на аттестат зрелости и поступить в университет, в лицей. Так и делали некоторые, главным образом, материально обеспеченные.

Древние языки, латинский и греческий, семинаристы знали хорошо. Поэтому им было легко сдавать экзамен в гимназии, а на медицинском факультете — легко усваивать терминологию при изучении анатомии, гистологии, ботаники, фармакологии, рецептуры...

При окончании семинарии в числе первых учеников меня наметили для отправки в духовную академию, но я отказался, мотивируя состоянием здоровья и семейными обстоятельствами. Отказ мой в конце концов был принят, но с большими затруднениями. Не было тяги идти по этой линии. В семинарии на уроках мы разбивали в пух и прах учение Фейербаха и других материалистов, а вне уроков читали запрещенные книги. В выходные дни в кружке читали и обсуждали «Коммунистический манифест», отрывки из «Капитала» Карла Маркса. Все материалистическое усваивалось, а идеалистическое не прилипало».

Доцент А. Г. Вершинина, заведующая кафедрой организации здравоохранения в Пермском мединституте, вспоминая о выступлениях П. И. Чистякова на различных собраниях и заседаниях, говорит:

— Я всегда обращала внимание на то, как свободно профессор владеет положениями марксизма-ленинизма. О самых сложных вещах он говорил без бумажки.

В политической литературе упоминается о том, что в 80-х годах прошлого столетия в библиотеке красноярской купчихи Поповой ссыльные революционеры знакомили семинаристов с запрещенными книгами. Вполне возможно, что и в Томской семинарии, где учился будущий профессор, нелегальная литература к семинаристам поступала через ссыльных. Вот куда уходят корни прочного усвоения Чистяковым основ марксизма-ленинизма.

«В год окончания семинарии, 1888, — продолжает Чистяков, — открылся Томский университет, куда окончившие духовную семинарию принимались без экзаменов. Некоторые из моих товарищей воспользовались этой льготой и поступили в университет. Для меня эта возможность была закрыта, так как во время обучения пользовался стипендией и должен был отработать за нее духовному (учебному) ведомству 3 года или уплатить сразу 54 рубля, сумму по тому времени немалую. Это последнее было невозможно. Поступил на должность воспитателя в то же самое Красноярское духовное училище, где сам учился, теперь реформированное.

100—150 детей жили в интернате. Великовозрастных учеников, которые тянулись раньше к водке, убегали по ночам из общежития, теперь уже не было. Но преданья старины еще не выдохлись из школы и трудно было поддержать дисциплину. Дети находились на попечении двух молодых воспитателей целый день во все неучебные часы, а иногда и в учебные, если штатный преподаватель заболел. Большею частью воспитатели не выдерживали и через год-два уходили с такой работы...

Завидно было читать письма товарищей, поступивших в университет, а ранее тянувших мою лямку. С каким восторгом они описывали свои впечатления! Занимаемая должность была удобна тем, что два летних месяца целиком можно было проводить дома на сельскохозяйственных работах. Три года не прошли, а промелькнули. Семинарский диплом можно было получить на руки, однако же сделать это не пришлось — заболела тяжело и надолго мать и нуждалась в помощи,

младший брат собирался поступать в университет. Необходимо было «старый долг платить — мать кормить» и помогать брату.

В силу этих семейных обстоятельств решил устроиться учителем сельской церковной приходской школы в селе на месте жительства матери и помогать поддерживать ее хозяйство. До этого никакой школы там не было. Отдельные крестьянские дети обучались странствующими грамотеями, бродягами, сельскими писарями на дому. В новую школу ученики набрались быстро — мальчики и девочки. Интересно было переживать их восторги, когда они начинали вскоре читать и писать. У них появилась личная забота — школа, куда они спешили с утра. На первых порах они плохо ели, худели. Вопросов дисциплины, как и в прежней моей школе, здесь не существовало. Дети были послушны.

Сперва занятия проходили в старой сельской сборне для сходок, а потом приспособлено было для школы особое здание. Под конец своей деревенской работы организовал обучение взрослых грамоте по воскресным дням. По летам занимался хозяйственными делами — сенокосением, уборкой, зимой — школа, газеты, журналы («Русские ведомости», «Русская мысль» и другие).

Так тянулись долгие годы — целых пять лет!»

Интересные факты о работе П. И. Чистякова в селе Анаш, где жила и его мать, сообщили в 1961 году члены краеведческого кружка Анашенской школы. Они написали: «Мы обратились к старожилам нашего села (Анаш, Новоселовский район Красноярского края — В. Б.) к Поседкину А. и Кадочникову Е. Н. Они оказались учениками Чистякова Павла Ивановича. По их рассказам, Павел Иванович жил в Анаше и работал в школе не в 1887—1896 годах, а гораздо позднее, в 1898—1900 годах (правильно: в 1891—1895 годах — В. Б.). Нами узнано следующее: Чистяков Павел Иванович был учителем в Анаше. Вначале занятия проходили в старой сходне, которая была на месте, где стоит наша настоящая школа. В школе насчитывалось до 60 человек. Павел Иванович был учителем скромным, тихим, вежливым, но довольно строгим. Все ученики уважали Павла Ивановича. Он никогда не наказывал своих учеников. Жил в Анаше Павел Иванович в собственном доме, который стоял на территории Анашенской почты. Жил с матерью Марией Михайловной. У него был брат, который жил в Новосибирске (Новониколаевске)».

САМЫЙ СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ

«Наконец, — пишет Чистяков, — скопив некоторое количество денег, сделав небольшой заем, через восемь лет после окончания семинарии, в возрасте 29 лет от роду, я поступил в Томский университет на медицинский факультет после небольшого экзамена по литературе и латинскому языку.

В это время брат мой уже перешел на 4-й курс медфака, мать окрепла и могла кое-что зарабатывать шитьем.

Самый счастливый день в моей жизни был, когда вместе с несколькими студентами мне удалось отправиться в Томск на тройке почтовых лошадей, чтобы поступить в университет.

Поступил с опозданием на целый месяц. Уже 200 человек студентов слушали лекции на первом курсе, вели практические занятия по анатомии, химии и пр. Для того времени 200 человек — курс был большой, с одной лекции спешили на другую, чтобы захватить лучшее место в аудитории.

П. И. Чистяков — студент
Томского университета.

В прежнее время замечено было, что студенты первого курса слишком злоупотребляли свободой, какую они здесь получили после гимназии, после семинарии — никаких заданий, свободное посещение лекций, хотя и с учетом. Где-то вдали зачет, экзамен, но еще далеко — успеется! Никаких уроков не спрашивают. И занятия закладываются. Это очень большая ошибка. Закладывается одно, закладывается другое, а придет время сдавать — оказывается, штурмом взять это невозможно! Необходимы систематические изо дня в день занятия. В результате свободного отношения к делу — отсеив

студентов. Самый большой отсев в те годы наблюдался на первом курсе. Один мой приятель, с которым мы разделяли все волнения при поступлении в университет, мало работал на первом курсе, с трудом перешел на второй, а там перебрался на юридический факультет, будто бы более легкий. Со мной этого не было по разным причинам. За большой промежуток времени между средним учебным заведением и университетом я наголодался по науке. Наука эта крайне нужна для будущего. Денежные запасы ограничены в обрез, и я засел за учебу. За первый курс все было сдано, получена краевая стипендия с правом на студенческое общежитие и без всяких обязательств. Столь же удачно прошел второй год и начался третий курс, где были науки чисто медицинские, где кроме основных теоретических наук мы уже имели дело с больными. Работы было много. Нельзя было ограничиться одним руководством по отдельным дисциплинам.

Но здесь произошло событие большой важности: уже и в предыдущие годы были частичные студенческие волнения по разным поводам — предвестники грядущей революции. А в 1899 году возникла всероссийская студенческая забастовка, как протест против избиения царской полицией студентов в Петербурге.

24 февраля забастовали студенты и в Томске, предъявив ряд академических и политических требований к правительству. В ответ на это пришло распоряжение уволить всех забастовавших студентов, а лекции и занятия продолжались с теми, кто не бастует. Таких оказались единицы. Остальные (в том числе и Чистяков — В. Б.) не пожелали приступить к занятиям. Забастовавшие студенты стали разъезжаться кто куда мог. Активисты по части забастовки, не рассчитывая когда-нибудь поступить обратно, стали готовиться к поездке за границу для окончания медицинского образования, что многим и удалось. Мне лично некуда было ехать, да и не на что. С какими глазами явился бы я на родину! На сберегательной же книжке оставался всего лишь 1 рубль, чтобы не ликвидировать книжку. Необходимо было подумать о зарботке.

К студентам-забастовщикам интеллигенция относилась сочувственно. Провожая отъезжающих, мы распевали стихи из Некрасова (четверостишие, помещенное далее, написано И. С. Никитиным — В. Б.):

Медленно движется время,
Веруй, надейся и жди...

Зрел, наше юное племя!
Путь твой всегда впереди!

Знакомых, которые могли бы мне помочь в приискании работы, у меня не было. Зашел в железнодорожное управление выяснить, не найдется ли что-нибудь для переписки. Пишущие машинки тогда еще не были в ходу и при хорошем почерке платили по 1 руб. за лист. Мой почерк оценили в 50 копеек, но на данный момент переписки не оказалось. Проходя по улице, увидел вывеску «Акцизное управление». Зашел с той же просьбой. Оказалось, что управделами этого управления — врач, оставивший занятия медициной. Он очень сочувственно отнесся к моей просьбе и с того же дня мне дана была там платная работа. Это вполне обеспечило мои нужды. Я работал там в течение нескольких месяцев. В июне-августе был дома, тогда же исхлопотал свидетельство о «благонадежности» для представления в университет, произвел небольшой заем денег у одного родственника и осенью вновь был принят в университет на тот же третий курс. Удалось даже получить прежнюю стипендию.

Далее все шло без особых приключений. Будучи студентом четвертого и пятого курсов, я занимался всеми дисциплинами одинаково тщательно, так как полагал, что мне придется быть участковым сельским врачом в Сибири, где в то время требовался врач-универсал: он и хирург, и акушер-гинеколог, терапевт, глазник и т. д.

Но при сдаче государственных экзаменов я получил предложение профессора Ф. А. Ерофеева занять в глазной клинике должность ординатора. Поразмыслив, я дал согласие и 9 октября 1902 года, на другой день после торжественного акта по поводу выпуска врачей (Чистяков был удостоен степени лекаря с отличием — В. Б.) пошел принимать глазных больных.

На торжественном акте мы, окончившие факультет, дали клятвенное обещание, сущность которого сводилась к следующему: не омрачать чести врачебного сословия своим поведением, во всякое время помогать страждущим, свято хранить вверенные семейные тайны, продолжать изучение врачебной науки, не заниматься приготовлением и продажей тайных средств, быть справедливым в отношениях с товарищами-врачами, говорить правду. Вместо 200 поступивших на первый курс нас, окончивших медфак, оказалось лишь 55 человек.

Далее началась специализация. Под руководством профессора Ерофеева я проработал немного больше года. Он ушел на пенсию по выслуге лет и по состоянию здоровья. Прекрасный специалист, прошедший две школы: в Киеве у А. В. Иванова и в Военно-Медицинской академии у В. И. Добровольского. Добрейшей души человек, он отличался иногда напускной грубостью, исходя из странного соображения — «чем ты мягче с больным, тем он больше от тебя требует». Больным, в особенности людям простым, он считал долгом давать наставления «не курить табак, не пить водку и не иметь венерических болезней». Профессор твердо верил, что такое наставление не пройдет бесследно, если больной услышит его из уст врача и профессора».

После ухода профессора Ф. А. Ерофеева в отставку кафедры глазных болезней объявила конкурс на замещение вакантных должностей. Конкурс, как тогда часто бывало, затянулся, преподавателей не хватало. Лекции читал лишь заведующий госпитальной хирургической клиникой профессор П. И. Тихов. В это время большая преподавательская и клиническая работа на кафедре была возложена на ординатора Чистякова.

Работая в глазной клинике Томского университета, Павел Иванович почувствовал, как мало еще он знает и умеет. Именно поэтому, когда окончился учебный год, молодой по стажу работы ординатор сразу же отправился в Петербург. Здесь он в течение полутора месяцев посещал глазную больницу на Моховой. В ней тогда трудились известные офтальмологи: Блессиг, Бахтин, Герман, Лицениус и другие. Директором был профессор И. В. Костенич. «За короткое время, — пишет Чистяков, — я много увидел там. Проф. Костенич уделил мне большое внимание. Под его руководством я сделал первые операции со вскрытием глазного яблока».

В МОРЕ ТРАХОМЫ

В Петербург Павел Иванович приехал, конечно, без больших денег. Жить здесь, не имея постоянного заработка, было невозможно. Надо было экономить на всем — на жилье, на питании, на транспорте...

«Однако, — пишет он в своих воспоминаниях, — средства мои истощались. Приходилось недоедать и один раз даже попользоваться дешевой греческой кухмистерской со всеми

неприятными последствиями для кишечника. Вижу, что долго не прожить мне в столице, пошел в Попечительство о слепых в расчете, не найду ли какой-нибудь платной работы. В Попечительстве мне, можно сказать, обрадовались. Требовался врач, помощник заведующего глазным отделом в село Вавож Вятской губернии. Я охотно согласился, получил документы, деньги на дорогу, распрощался с профессором Костеничем и отправился в с. Вавож Малмыжского уезда. Под руководством доктора А. И. Масленникова я проработал два месяца с великой пользой для себя и для дела. Достаточно сказать, что за два месяца мы приняли 5000 первичных глазных больных и 11 тысяч повторных посещений, сделали большое число операций. Здесь было море трахомы и самые разнообразные формы глазных заболеваний».

После поездки в Малмыжский уезд Чистяков возвратился в Томск и с новыми силами приступил к работе в глазной клинике университета. Снова лекции, практические занятия со студентами, проведение опытов в лабораториях. Но его связи с Попечительством о слепых не оборвались.

В 1904 году по просьбе уездного земства глазной отряд под руководством Масленникова вновь был направлен в Малмыжский уезд. В эту экспедицию был приглашен и Чистяков. В отряде, кроме Масленникова и Чистякова, было еще четыре врача. Они за четыре месяца работы на территории нынешней Удмуртии приняли семь тысяч больных, сделали около трех тысяч операций¹. Но количество больных трахомой, казалось, нисколько не уменьшилось.

Нам сейчас трудно представить, какое широкое распространение имела трахома в дореволюционной России, особенно в местах, где жили татары, башкиры, чуваша, удмурты, мордва, марийцы. По данным диссертации П. И. Бочковского, написанной в 1908 году, больше всего неизлечимо слепых, ослепших от трахомы (40—50 процентов всего количества слепых), было в Вятской, Казанской и Пермской губерниях. О Малмыжском уезде в отчете особого отдела при Попечительстве о слепых за 1904 год говорится: «Трахома среди местного населения распространена в ужасающей степени».

П. И. Чистякова не случайно влекло за тысячи верст это море трахомы и всевозможных глазных заболеваний. Оно манило широкими перспективами изучения различных форм глазных болезней, открытия новых, неизвестных форм. Здесь можно было совершенствовать технику операций, приобретать необходимое мастерство, проверять новые методы и средства

лечения. Здесь, наконец, можно было все свои силы и знания отдать нуждающимся в твоей помощи.

Глазная клиника при университете работала шесть-семь месяцев в году. Остальное время Чистяков находился в глазных отрядах.

Ежегодно с 1903 по 1909 год он, сначала помощником, а с 1905 года руководителем глазных отрядов, выезжал по заданиям Попечительства о слепых в самые затрахомленные уезды Казанской, Вятской и Пермской губерний (в Малмыжский, Мамадышский, Сарапульский, Чердынский и другие). Много времени проводит он и на постоянном глазном пункте в селе Курагинском (Минусинского уезда).

Несколько слов о летучих глазных отрядах. Они появились в России в конце прошлого века по инициативе известного ученого Л. Г. Беллярминова, профессора Военно-Медицинской академии, создателя одной из наиболее крупных школ русских офтальмологов. В 1893 году ученый обратился в Попечительство о слепых с докладной запиской, в которой предложил широкую систему мероприятий по предупреждению глазных заболеваний: устройство постоянных пунктов глазной помощи, глазных больниц, отделений и т. д.

В качестве временной меры он предложил организацию глазных отрядов, которые вскоре и начали создаваться.

Сторонники радикальных мероприятий выступали против отрядов. Они, ратуя за широкую организацию постоянной глазной помощи, забывали о действительности, о том, что офтальмология еще молодая наука, кадры глазных врачей слабы и малочисленны. Глазные отряды, конечно, не могли в корне изменить положение, но они сыграли выдающуюся роль в борьбе с глазными заболеваниями.

«...Помощь, оказываемая отрядом, не более как капля в этом море трахомы, — писал Чистяков в 1908 году. — Населению, не говоря об улучшении общих условий его существования, не говоря о просвещении, нужна постоянная глазная помощь». Но и эта маленькая «капля» была необходима народу, задавленному нуждой.

Летучий глазной отряд обычно состоял из одного-двух врачей, их помощников, студентов старших курсов, и фельдшеров. Финансировали его земство и Попечительство о слепых. С собой брали инструменты и перевязочный материал, лекарства, стекла и очковые оправы, чтобы бесплатно раздавать больным.

Отряды проникали в отдаленные на сотни верст от железной дороги глухие углы, разведывали места с наибольшим распространением глазных болезней, приучали население к специальной глазной помощи. Только за 12 лет работы, с 1893 года, врачи и фельдшера 310 глазных отрядов приняли 542 тысячи больных, сделали 181 тысячу операций².

Нельзя не сказать и об огромном воспитательном значении отрядов.

Ежегодно отрываясь от академической среды для работы в самой гуще крестьянства, врачи-глазники не могли не заметить произвола власти и бесправия народа, его нищеты. Их пациенты, в большинстве своем, были люди низкой культуры, материально необеспеченные. Поэтому глазные врачи одними из первых в медицинской корпорации сталкивались с вопросами социального неравенства.

Большую роль отряды сыграли в привлечении к борьбе с трахомой земских врачей. У своих коллег из глазных отрядов врачи участковых больниц учились распознавать и лечить трахому, оперировать на веках.

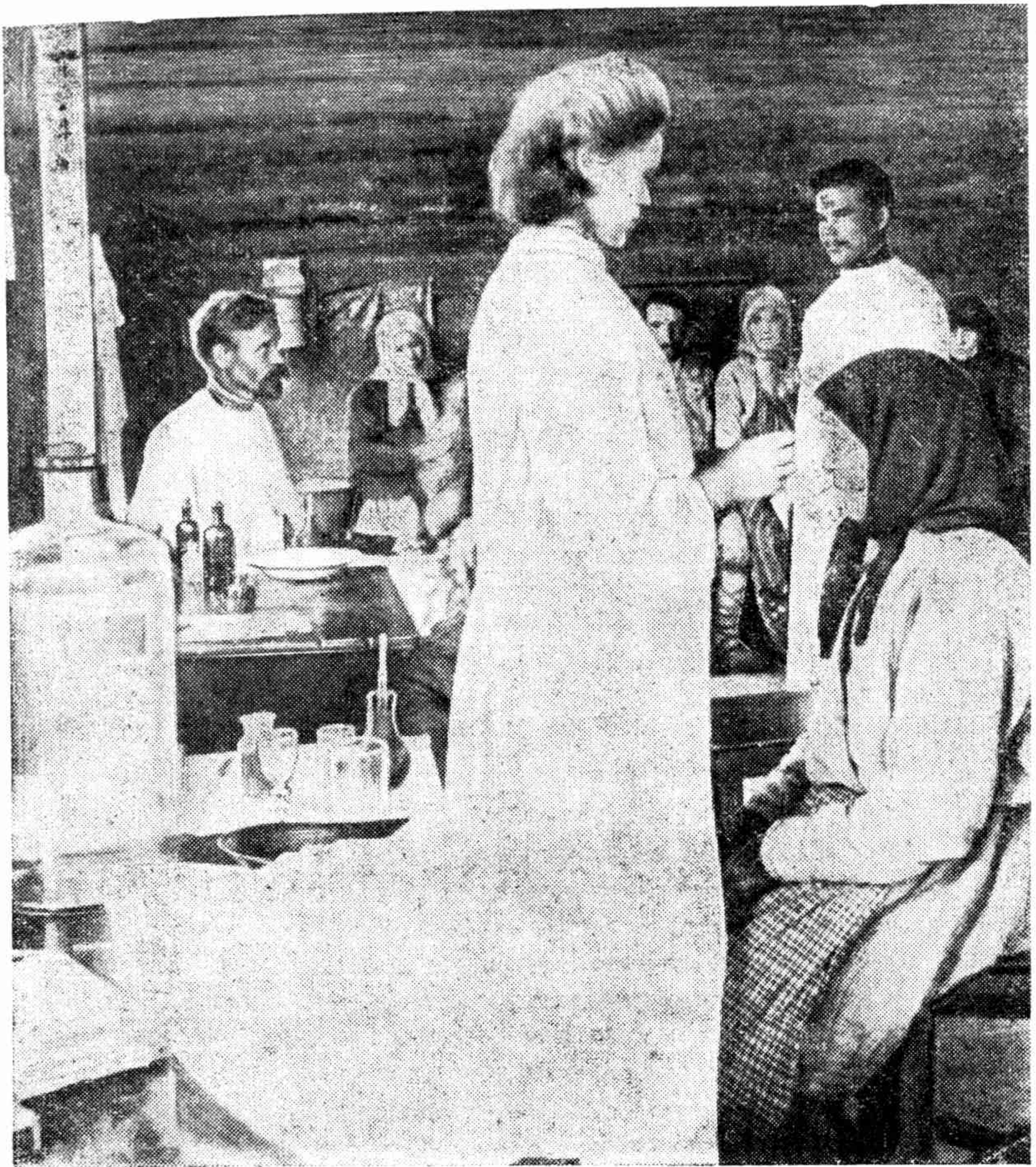
Работа в отряде была необходимым звеном в обучении глазных врачей. По словам А. В. Натансона, одного из известных русских врачей-энтузиастов, полугодовая практика в глазном отряде соответствовала трехлетней деятельности ассистента глазной клиники. С этим нельзя не согласиться. Кратковременность работы в отряде искупалась богатым содержанием и интенсивностью³.

Как зачастую было поставлено дело в стационарных условиях? Многие руководители клиник все сколько-нибудь сложные операции делали сами. Врачам же оставалось оперировать на свиных глазах. Так можно было научиться держать инструмент — и только. Но одно дело — ощущать под инструментом дряблые ткани мертвого глаза, совсем другое — оперировать на живом человеке. Находясь в отрядах, врачи и даже студенты очень много оперировали, вырабатывали у себя необходимое для операций мышечное чувство, приобретали опыт в офтальмохирургии.

Отряд прививал навыки в организационной работе. Готовым с неба ничего не падало. Все надо было достать, устроить, нужно было, рассчитывая только на свое умение, убедить других, заинтересовать, заразить примером бескорыстия, самоотверженности.

Как и крестьяне, которых обследовал и лечил глазной отряд, врач и его помощники работали от зари и до зари.

П. И. Чистяков на амбулаторном приеме в глазном отряде (деревня Сосновка Сарапульского уезда).

Продолжительность рабочего дня была квантум сатис (сколько нужно) и часто достигала восемнадцати часов в сутки. Соображения морального долга руководили людьми. Никто их не контролировал, не подгонял. Никто не оплачивал за переработку и за то огромное нервное перенапряжение от моральной ответственности за судьбы больных, которых оперируешь самостоятельно, и не в клинике, а за тысячи

верст от нее, в неприспособленной больничке или в избе с тараканами и мухами.

Если бы в рублях оценить эти неоценимые моральные качества, то, надо полагать, русские врачи были бы самыми богатыми людьми.

...Село Кочево Чердынского уезда (теперь в Коми-Пермяцком национальном округе). Летний базарный день.

Сторож спозаранку открыл больным дверь приемной. Несмело потоптавшись на пороге и переговариваясь вполголоса, они проходят в большую полутемную избу с низкими окошками и рассаживаются вдоль стен на массивные длинные лавки.

С восходом солнца появляется здесь и врач. Это не начальник, не барин. Одет он чересчур скромно. Лет сорока, невысокий, стройный. Короткие светлые волосы, большой чистый лоб. Ясные голубые глаза глядят озабоченно и кротко. Он проходит к столу у окна, садится, положив на колени свои руки. Руки натруженные, с четким рисунком вздувшихся подкожных вен — хоть сейчас в анатомический атлас. Но не грубые, заскорузлые, а с чуткими и послушными пальцами. Легкие, сноровистые руки умельца, золотые руки мастера-вого.

Помощник вызывает больного. Прием начался.

Кто хоть однажды побывал на таком приеме, не забудет его. Женщины с подвесками в волосах и на груди нарядны в своих просторных домотканых платьях с красочными национальными узорами. А глаза слипаются от гноя. Кожа век от постоянного раздражения красная и потрескавшаяся.

Мужчины — кормильцы и главы семей — в новых лаптях с чистыми подвертками. Они неуклюже садятся на табурет перед врачом и виновато улыбаются с робкой надеждой. Но эта жалкая улыбка гаснет в тусклых помутневших роговицах глаз, в которых, как в зеркале, отражается вся незавидная многовековая судьба русского крестьянина.

Прежде чем сесть, старухи что-то смахивают с табурета, плюют и прищептывают. Под грубым черным платком не видно бровей. Усохшие глазки в глубине орбит. Веки толстые, оmozолелые — не вывернешь.

Не по-людски бессловесные и пришибленные, они с поспешностью выполняют каждую просьбу врача. Только смотрят не вниз, а вверх, смотрят изо всех сил, не дыша, прикрыв рот ладошкой или концом платка.

После осмотра помощники выполняют назначения врача: одних больных лечат каплями, мазью, у других при помощи специального пинцета выдавливают фолликулы (зерна) воспаленной и утолщенной слизистой оболочки век, третьих направляют в стационар на операцию.

Прием в разгаре. Пешком и на подводах больные прибывают еще и еще. Фельдшер с переводчиком едва успевает заполнять на каждого карточку. До трехсот карточек в день. Больные идут сами и ведут под руки ослепших. У одного трахома разрослась настолько буйно, что утолщенная конъюнктива не уместается за веками и, выпирая из-под их края, застилает свет. У других давно уже началось рубцевание, конъюнктива сморщена и укорочена, хрящ искривлен, и ресницы трут глаз, поддерживая воспаление роговицы.

Больные и сами пытаются бороться с трахомой. Но как? У местных жителей почти в каждом доме есть щипчики для выдергивания неправильно растущих ресниц. Некоторые так искусно наловчились удалять ресницы, что за пять копеек соглашаются и другим очистить края век. После этого можно спокойно жить два-три дня. А затем жесткие пеньки ресниц отрастают и царапают глаз с неменьшей силой. Такие люди надеются на операцию. Их доверие вдохновляет врачей глазного отряда.

После операций — перевязки стационарных больных, приготовление мазей, капель. Назначений сегодня было много. Всем больным надо приготовить лекарства, для каждого в отдельную склянку.

Только с вечерней зарей заканчивается трудовой день. При свечах врачи и их помощники собираются у самовара за традиционным чаем, намечают план на завтра и расходятся.

Едва коснувшись подушки, Чистяков впадает в забытие, но и во сне дневные заботы не оставляют его. Откуда-то из темноты вдруг наплывают один за другим глаза — узкие и широкие, слезящиеся и тусклые, с завернутыми и вывороченными веками. Тугие вывернутые веки усыпаны фолликулами. Руки так и поднимаются выдавить, выскрести, вырезать эту нечисть, от которой слепнут люди. Во сне все получается легко.

Но с утренней зарей просыпается и неотступная российская явь с нищим и забитым населением, с бескультурьем, с замшелыми традициями и вековой отсталостью, с непременным бездорожьем и немощными попытками земства наладить

доступную квалифицированную медицинскую помощь. Сколько впереди работы! В России на каждого из трехсот окулистов приходится в среднем по тысяче слепых.

Отряд уедет. На десятки тысяч человек во врачебном участке останется лишь один общий врач. До трахомы ли ему? Он будет принимать тяжелые роды, разрезать нарывы, вправлять вывихи, лечить лихорадки и тифы. А глазные больные сиротливо затеряются в этом бесконечном потоке. Но что делать? Иного выхода пока нет. Надо считаться с суровой действительностью.

И где бы Павлу Ивановичу ни приходилось бывать с глазными отрядами, он все свои силы отдавал борьбе с болезнями. Больные с благодарностью вспоминали простого, тихого врача с рыжеватой бородкой, такого внимательного и отзывчивого. В частности, о работе Чистякова в бывшем Чердынском уезде вспоминает окулист Коми-Пермяцкого округа Василий Алексеевич Коркин, заслуженный врач республики. Он пишет: «В 1909 году Павел Иванович работал не только в Сарапульском уезде Вятской губернии. Он приезжал и в село Кочево... Через 16 лет я проезжал с отрядом по тем же местам. Вижу хорошие результаты операций и спрашиваю, кто оперировал. Павел Иванович, отвечают. Население Коми-Пермяцкого национального округа долго будет помнить Павла Ивановича Чистякова, скромного, отзывчивого врача».

ДОКТОР МЕДИЦИНЫ

Борьба с трахомой в томский период деятельности П. И. Чистякова стала его главным делом. Все свои помыслы он направлял на то, как найти и применить наиболее радикальные способы и средства лечения трахомы, как избавить сотни тысяч людей от этого тяжелого заболевания, от слепоты.

Еще в 1903 году Чистяков на заседании Общества практических врачей Томска предложил проект регистрационной карточки по учету трахомы. Он пытался заинтересовать врачей составлением карты географического распространения трахомы, которая «является показателем бедности, некультурности, антисанитарных условий жизни».

Большую роль в том, что Чистяков занялся углубленным изучением трахомы, сыграл профессор глазной клиники Том-

ского университета Сергей Викторович Лобанов. Он приехал в Томск в 1905 году и занял место ушедшего на пенсию Ф. А. Ерофеева. Как руководитель глазной клиники, единственной на всю сказочно необъятную Сибирь, теперь он нес тяжелое бремя забот о «многострадальном русском глазе».

Возвращаясь из поездок с глазными отрядами, Чистяков всегда делился с Сергеем Викторовичем своими впечатлениями и наблюдениями. Лобанов сам до этого выезжал с летучими отрядами на борьбу с трахомой в Башкирию, Чувашию и другие места, поэтому ему были близки переживания Чистякова (кстати сказать, профессор был на три года моложе своего ученика).

Одна из бесед ординатора Чистякова с профессором Лобановым состоялась в 1906 году, вскоре после возвращения Павла Ивановича из Мамадышского уезда Казанской губернии. Именно тогда Сергей Викторович предложил Чистякову заняться изучением вопроса о хирургическом лечении трахомы.

Вопрос этот был так же стар, как и сама трахома. Еще более двух тысяч лет назад Гиппократ, отец медицины, предлагал вырезывать опухолевидно утолщенную переходную складку века. Гален сомневался в целесообразности такого вмешательства. И так все две тысячи лет: один утверждает, другой отрицает. Спор этот с новой силой разгорелся в конце прошлого века. Противников хирургического лечения было много. Противники сильные.

— Утолщение конъюнктивы — защитная реакция организма. Вырезывание складки нерационально, — заявляли они. Им отвечали:

— Удаление утолщенной складки предупреждает интенсивное рубцевание, сморщивание конъюнктивы.

— Вы вместе с больной частью складки удаляете здоровую и в ней добавочные слезные железы. Глаз высыхает.

— При тяжелой хронической трахоме эти железы пропитываются лимфоидными клетками и подвергаются рубцеванию. Так что толку от них мало.

— Часты возвраты заболевания.

— При неполном удалении складки — да, при полном — нет.

— Сроки лечения не сокращаются.

— Трахома излечивается в несколько недель, а не годы, как обычно.

— В интересах многих бедных трахоматозных больных следует пожелать, чтобы эта операция никогда не нашла всеобщего распространения, так как к ней по праву можно применить английскую поговорку: «Лечение хуже самой болезни».

— Этот способ превосходит все до сих пор известные... Метод хирургического лечения трахомы долго не прививался в России. Против него выступали такие виднейшие офтальмологи, как Мандельштам, Ходин, Гиршман и другие.

— Вы заметили, Павел Иванович, одну интересную деталь? — сказал во время беседы с Чистяковым профессор Лобанов. — Положительные отзывы о хирургическом методе дают люди, которые сами оперировали. А все возражения чисто теоретического характера, умозрительны. Так далеко не уедешь. Будут толочь воду в ступе, будут возражать еще две тысячи лет, ссылаясь лишь на свой авторитет, на свое звание. Трахома проявляется в большом разнообразии клинических форм и стадий развития. Отсюда и разногласия. Нельзя не учитывать эти формы и стадии. Надо выяснить, когда трахому лечить оперативно, когда обычными средствами. Вопрос о хирургическом лечении трахомы не сдвинется с места, пока за него практически не возьмутся заинтересованные люди, вы, например...

Совет профессора пришелся как нельзя кстати. Сочетая большую практику с серьезным изучением медицинской литературы, Павел Иванович целиком отдался разработке хирургического метода лечения трахомы.

Практические врачи и раньше в отдельных случаях применяли удаление переходных складок и хряща век при лечении трахомы. Они наблюдали неплохие результаты. Но вожди офтальмологии, руководители клиник скептически относились к этому.

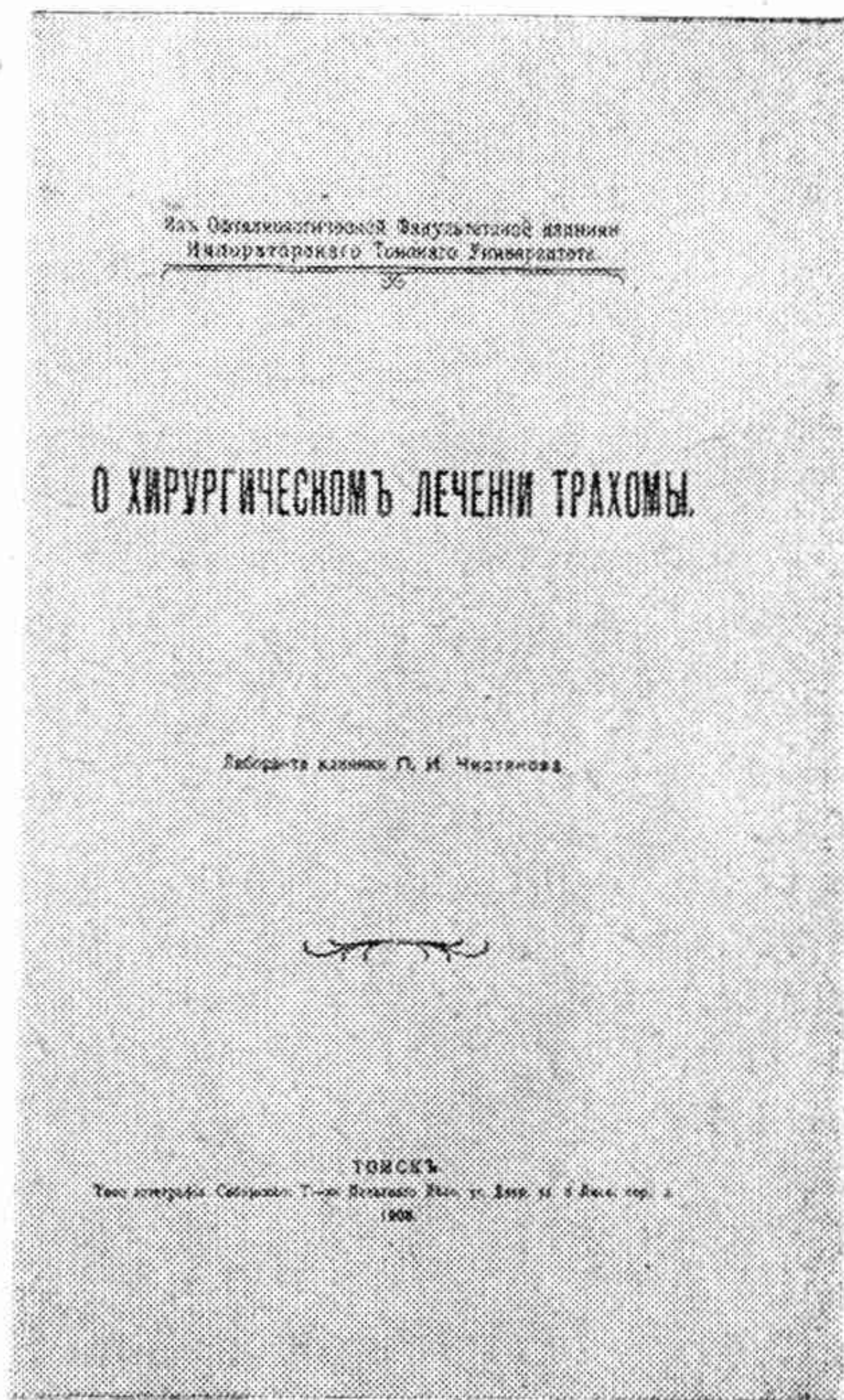
Приоритет в научной постановке вопроса о хирургическом лечении трахомы принадлежит Томской клинике. В этой клинике, а также и в глазных отрядах, при тяжелых запущенных случаях трахомы еще в 1906 году стали применять простое иссечение переходной складки или в комбинации с удалением хряща век.

Год за годом накапливался опыт. Совершенствовалась методика операций. Все больше и больше людей, обреченных на слепоту, получало возможность нормально жить и трудиться.

В 1909 году лаборант глазной клиники П. И. Чистяков успешно защитил докторскую диссертацию на тему «О хирургическом лечении трахомы». Он показал хорошее знание специальной литературы, дал превосходный очерк болезненного процесса в конъюнктиве и хряще век при трахоме. Публикуя подробный гистологический материал, обратил внимание врачей на то, что часто в хряще обнаруживается резкая лимфоидная инфильтрация, хотя в конъюнктиве век трахоматозный процесс уже закончен. Значит, больных после клинического выздоровления необходимо еще долго наблюдать. Чистяков внес ясность в вопрос об изменениях желез в хряще и конъюнктиве. Он первым в медицинской науке подробно описал дополнительные изменения в добавочных слезных железах Краузе, которые при затяжной трахоме заполняются инфильтратом и в дальнейшем подвергаются рубцеванию. До Чистякова в мировой литературе не было сведений о процессе заживления ран конъюнктивы. Он первым дал подробное гистологическое описание процесса заживления конъюнктивальных ран.

Сторонник хирургического лечения трахомы профессор В. И. Спасский назвал диссертацию Чистякова «большой и интересной». Он писал, что это «прекрасная, серьезная работа, в которой представлен убедительный фактический материал клиники и глазных отрядов»⁴. Профессор С. В. Лобанов, обращаясь ко всем врачам затрахомленной местности, особенно к тем товарищам, «которым приходится нести нелегкий крест русского окулиста — лечить тяжелые, запущенные формы хронической тра-

Обложка первой книги
П. И. Чистякова.

хомы», горячо рекомендовал им в своей работе использовать опыт Чистякова.

Основной вывод диссертации Чистякова был таким: при тяжелых затяжных случаях трахомы необходимо оперативное лечение.

Эти выводы ученый подтвердил и через 14 лет, проверив отдаленные результаты операций. Сам он применял оперативное лечение нечасто (в двух процентах от общего числа принятых больных трахомой), только в тех случаях, когда больному действительно угрожала слепота.

И в наше время, в период полной ликвидации трахомы, без удаления хряща или части его при упорном воспалении роговицы не обойтись.

Проверенный Чистяковым хирургический метод лечения трахомы и теперь, несмотря на наличие арсенала других мощных средств, остается на вооружении врачей-глазников.

ЗА ГРАНИЦЕЙ

Ежегодная работа в глазных отрядах, на глазных пунктах, бесплатный прием для неимущих в городской амбулатории — все это давало богатый практический навык, знакомство с многообразием форм, проявлений глазных заболеваний.

Однако из человека вырабатывается опытный специалист не только в результате самостоятельных занятий, целеустремленного накопления знаний. Многое в его образовании зависит и от личного общения с выдающимися людьми, авторами изучаемых им научных трудов и руководств. Ведь обычно в статьях и книгах сообщаются лишь результаты работ, исследований. А зарождение мысли, развитие ее, удачи и неудачи, споры и столкновения, то есть весь творческий процесс, как правило, не раскрывается.

С большой пользой для себя провел П. И. Чистяков полтора месяца в столичной клинике. С тех пор прошло семь лет. Теперь уже знающий ассистент, он мечтает о поездке в один из научных офтальмологических центров для усовершенствования в патологической анатомии глаза, для овладения методами бактериологических исследований. Благодаря настоятельным просьбам профессора С. В. Лобанова ученый совет университета в 1910 году командировывает П. И. Чистякова за границу.

Напутствуя товарища по работе, Сергей Викторович просил его не робеть перед авторитетами, не удивляться, относиться ко всему критически.

— Вы, Павел Иванович, — говорил Лобанов, — достаточно опытный специалист. Смотрите все, изучайте, перенимайте, но не падайте ниц. Не избегайте клиник, особенно присмотритесь к тому, как там лечат трахому... Поездка встряхнет вас.

В мае Чистяков выехал из Томска. В Берлине было уже лето.

Павел Иванович вышел на вокзале Александерплац. Насидевшись в вагоне, он был рад возможности прогуляться пешком, прийти в себя. Небольшой саквояж не оттягивал рук. Чистяков пересек привокзальную площадь, миновал ратушу, королевские дворцы и по мосту вышел на Унтер-ден-Линден. Он шел не спеша, любуясь свежей зеленью газонов. Аккуратно подстриженные кусты, знаменитые липы, причудливые зеленые гирлянды, спускающиеся от перил набережной до самой воды. Все здесь очень мило, даже красиво, но нет, не свое, не родное.

Впервые в чужом городе, Чистяков свободно ориентировался здесь по описаниям и снимкам. Помогло и хорошее знание немецкого языка. Вот университет, библиотека, театральная площадь. Не доходя до Бранденбургских ворот, свернул направо от русского посольства. За рекой по обе стороны тихой Луизенштрассе расположились лечебницы: справа — для животных, слева — для людей — Шарите (дом призрения). Здесь Чистяков замедлил шаг и остановился в почтении.

В нише увитой зеленью каменной ограды перед зданием клиники он увидел памятник великому Альбрехту Грефе — основоположнику современной офтальмологии. Организованная им в 1850 году клиника стала мировым центром науки о глазных заболеваниях. Теперь ею руководит профессор Грееф, автор непревзойденного руководства по патологической анатомии глаза. Здесь, конечно, есть чему поучиться.

Уже на следующий день Чистяков познакомился с клиникой. В постановке работы нет ничего необычного. Асептика при операциях соблюдается не строго. Но ради лаборатории приехать сюда стоило.

Немногословный, скромный, но дотошный, Грееф сам занимался с приехавшими специалистами. Каждому он дал задание приготовить микроскопические препараты удаленных глаз. Глаз обезвоживали и уплотняли в формалине и спирте,

затем пропитывали целлоидином. Когда он твердел, его разрезали на микротоме, каждый срез толщиной не более одной сотой доли миллиметра, прозрачнее папиросной бумаги. Чтобы выявить все изменения в тканях, срезы окрашивали различными способами.

Лекции, лаборатории, клиники — расписание каждого дня было насыщено до предела.

Чистяков, работая у Греефа, приготовил исключительно интересную коллекцию микроскопических препаратов. Они и сегодня поражают мастерством исполнения, чистотой и свежестью красок.

Недостающие препараты Грееф демонстрировал Чистякову из личной коллекции. И если герр Чистяков упускал из виду какую-нибудь важную деталь, Грееф обращал на это его внимание и давал подробное объяснение. По-немецки точный, пунктуальный, он не один раз встречался с любознательным русским доктором.

Разнообразие в напряженную работу внесла встреча с томичем Н. Н. Бурденко, воскресная прогулка с ним по Берлину и его предместьям. Бурденко, как и Чистяков, за участие в студенческой забастовке в феврале 1899 года был отчислен из Томского университета, но без права обратного поступления.

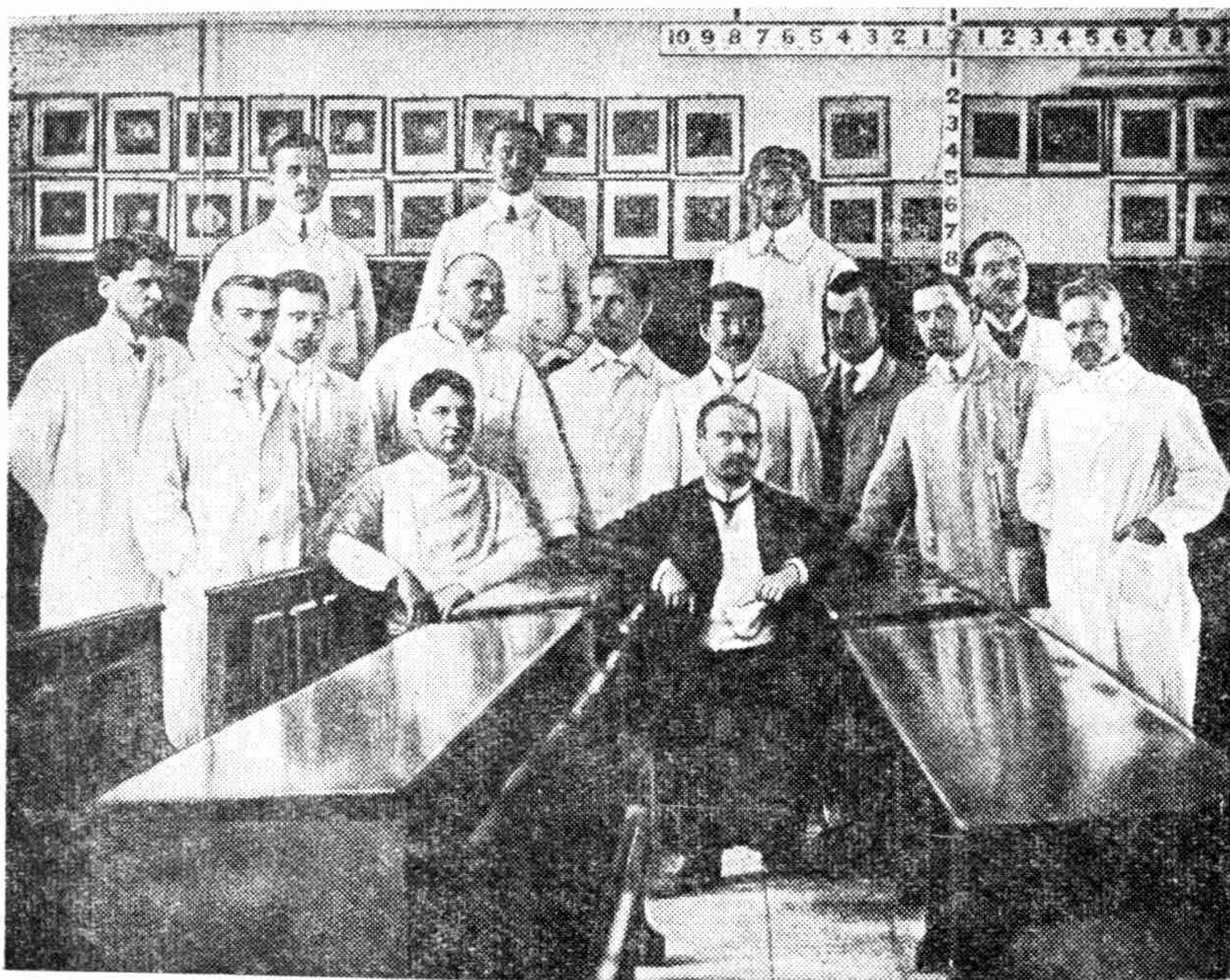
Учился за границей, студентом участвовал в русско-японской войне и лишь в 1906 году окончил Юрьевский (Дерптский) университет. В 1910 году уже в звании приват-доцента он был командирован за границу для ознакомления с берлинскими хирургическими клиниками (впоследствии Н. Н. Бурденко был первым президентом Академии медицинских наук СССР).

Земляки обрадовались встрече на чужбине, вспомнили однокурсников, преподавателей. Бурденко предложил осмотреть выстроенное недавно здание окружной больницы. После осмотра вышли в Виктория-парк. Рижский ортопед Зарфельц сфотографировал томичей у водопада в парке, на мосту Шлютерштег. После обеда втроем выехали за город на берег Хавеля. Здесь деревья не стояли шеренгами, кустарник рос, как ему вздумается, траву никто не причесывал, тропинки никто не посыпал красным кирпичным порошком. Глаза отдыхали. Здесь все напоминало милую русскому сердцу природу. Скоро ли вновь увижу тебя, Сибирь!

Через месяц Чистяков направился во Фрейбург. Здесь уже собралась группа врачей из Америки, Японии, Италии,

Голландии, России и других стран. Их привела сюда огромная популярность Теодора Аксенфельда, блестящего клинициста-педагога, выдающегося ученого, основоположника бактериологического направления в офтальмологии. Руководство Аксенфельда по глазным болезням выдержало десять изданий, было переведено на многие языки, в том числе два раза на русский.

П. И. Чистяков (крайний справа) в клинике профессора Т. Аксенфельда (в центре).

В противоположность Греефу Аксенфельд был человек живой, подвижный, увлекающийся. На жалея времени, он возился с учениками, последователями, зараженными его страстностью и неумемной энергией.

Каждый из врачей, приехавших во Фрейбург, должен был взяться за выполнение какой-либо экспериментальной работы. Чистяков, используя возможности общения с Аксенфельдом, решил выяснить, насколько болезнетворны для глаза диплобациллы Моракс-Аксенфельда. Опасны ли эти возбудители

заболеваний слизистой оболочки глаз человека для внутренних оболочек глаза? Восприимчивы ли к ним глаза лабораторных животных? Какова устойчивость этих бактерий? Насколько опасно производить глазные операции у больных, которые страдают диплобациллярным конъюнктивитом?

На все эти вопросы Чистяков ответил в своей статье «К вопросу о патогенности диплобацилл Моракс-Аксенфельда для внутренних сред глаза», напечатанной в 1911 году на немецком языке в «Клиническом ежемесячнике глазных болезней».

Все свободное от работы в лабораториях время Чистяков отдавал посещению лекций, клиник. Он добросовестно выполнял все задания шефа. Нужно было в полной мере использовать возможности научной командировки.

В отчете о заграничной командировке Чистяков писал: «Дело преподавания глазных болезней в клинике профессора Аксенфельда поставлено образцово. Все устроено так, что имеет в виду обучение студентов. С момента вступления в аудиторию, еще до лекции, студент каждый раз может найти что-нибудь новое для расширения или пополнения своих сведений по офтальмологии». Чистякову нравится то, что в аудитории много различных приборов, наглядных пособий. Он очень одобрительно отзывается о теоретических конференциях, которые Аксенфельд устраивает два раза в месяц в библиотеке-читальне клиники. Но, отмечая все положительное, Чистяков видит и недостатки в работе заграничных клиник: слабую подготовленность студентов, несистематичность лекционного курса, тесноту, пренебрежение асептикой, застой в лечении трахомы и т. д. Во всем отчете виден строго объективный подход к делу, достоинство русского человека.

И вот снова Томск. Заграничная командировка прошла успешно. Ученый совет университета присвоил П. И. Чистякову ученое звание приват-доцента. Рекомендовали его три профессора: хирург П. И. Тихов, патологоанатом М. М. Покровский и офтальмолог С. В. Лобанов. Они дали ему превосходную характеристику, особо отмечая тщательность, добросовестность в работе. Обсуждая труды Чистякова, ученые подчеркнули редкость описываемых случаев, ценность наблюдений, общественное значение статей. После прочтения пробных лекций П. И. Чистяков был утвержден в звании приват-доцента.

Круг обязанностей расширился. Павел Иванович с головой уходит в преподавательскую работу. Он ведет курсы

оперативной офтальмологии, операций на слезных органах, обучает способам определения рефракции. Времени всегда в обрез, но ученый умеет ценить часы и минуты. Большую преподавательскую деятельность он сочетает с исследовательской работой в глазной клинике, с практикой.

В 1914 году приват-доцент Чистяков вновь выехал за границу. Он посетил клиники профессоров: Заттлера, Михеля, Утгофа, Гиршберга, Силекса — в Германии, Сигриста и Гааба — в Швейцарии, Фукса — в Австрии. В Россию с большим трудом возвратился через две недели после начала мировой войны.

ДЛЯ НАРОДА, ВМЕСТЕ С НАРОДОМ

В «Факультетском обещании», которое до революции давал, получая диплом, каждый студент — выпускник медицинского факультета, было написано: «Обещаю продолжать изучать врачебную науку и способствовать всеми своими силами ее процветанию, сообщая ученому совету все, что открою». Давал такое обещание-клятву и Чистяков. Он до конца жизни остался верен этой своей студенческой клятве. Все, что Павел Иванович Чистяков сумел сделать, открыть, он отдал науке, людям.

Необычайно широким был круг интересов П. И. Чистякова. Научные статьи его посвящены не только вопросам борьбы с трахомой и со слепотой, но и глаукоме, главному травматизму, заболеваниям наружных отделов глаза, сосудистого и нервного тракта, онкологии и глистным заболеваниям глаз.

Чистяков проявил себя не только как объективный экспериментатор, искусный хирург, знающий патогистолог и бактериолог, но и как тонкий диагност, наблюдательный врач. Он опубликовал большое количество описаний редких (казуистических) форм и случаев глазных заболеваний.

Мнения ученых о статьях, дающих описание казуистических случаев, расходятся. Противники их утверждают, что эти статьи не являются научными, что гораздо важнее в науке обобщения, обзоры. Но вряд ли это так. Здесь уместно вспомнить слова И. П. Павлова, который говорил: «...Клиническая казуистика остается навсегда богатым источником новых физиологических мыслей и неожиданных физиологических фактов». С. П. Боткин утверждал, что овладевающему

наукой намного полезнее и существеннее заниматься не поверхностным анализом большого числа случаев, а более обстоятельной обработкой отдельных случаев. Мы постоянно наблюдаем, как на основе разрозненных описаний редких проявлений болезни создаются учения об особых формах заболеваний и о новых, ранее не известных болезнях. Чистяков, имевший огромную врачебную практику, встречал множество казуистических форм и случаев глазных заболеваний. Описывая их, он вносил определенный вклад в науку.

Так, в 1905 году на страницах «Сибирских врачебных ведомостей» Чистяков описал казуистический случай отравления древесным (метиловым) спиртом. Это было второе на русском языке сообщение о таком отравлении. Теперь каждому известно, что древесный спирт — страшный яд, который вызывает слепоту, смерть, а в то время люди не знали о его губительном действии.

В 1873 году во Франции при выделке шляп и шелковых материй древесный спирт стали подмешивать к винному для денатурации последнего. А через год появилось сообщение лионского врача Дрона об отравлении рабочих одной мастерской парами денатурата. Затем Виже описал отравление древесным спиртом двух арестантов. Один из них умер, другой ослеп. Когда с развитием химии научились делать очищенный древесный спирт, без отталкивающего запаха и вкуса, нашлись люди, которые стали пить его вместо винного. Очищенный древесный спирт, или колумбийский, нашел широкое применение в парфюмерии, в производстве косметических средств, потом началась фальсификация спиртных напитков. Не удержались даже аптекари — в йодной настойке, в киндербальзаме (смесь спирта и эфирных масел) винный спирт они стали заменять древесным. Случаи отравлений участились⁵.

Чистяков стремился предупредить людей о грозящей им опасности. В 1908 и 1910 годах он описывает еще несколько казуистических случаев отравления древесным спиртом и киндербальзамом. В 1912 году Павел Иванович снова возвращается к вопросу о действии метилового спирта. Но это уже не казуистика. Теперь ученому ясна причина заболевания. Он хорошо изучил клиническую картину болезни, ему известен ее печальный исход. Чистяков пишет о необходимости широких профилактических мероприятий в борьбе с отравлениями спиртом, выступает в защиту общества от махинаций предпринимателей. В отзыве о статье Чистякова про-

фессор П. И. Тихов отметил ее большое общественное значение.

В 1907 году в печати появилась небольшая статья Чистякова об амилоиде век (амилоидоз — это нарушение белкового обмена в организме, при котором белковые вещества откладываются в тканях). Чистяков привел в статье краткий обзор литературы, описал больного с этим редким заболеванием глаз и тончайшие изменения в строении ткани века. Личный опыт и хорошее знание литературы по амилоидозу позволили Чистякову принять участие в первом издании Большой Медицинской Энциклопедии. В первом томе энциклопедии за его подписью была напечатана статья «Амилоид глаза».

Не менее интересна и статья Чистякова «Патологическая анатомия весеннего катара».

Весенний катар — хроническое заболевание глаз, причина которого неясна. Название связано с тем, что обострение болезни наступает весной и летом, когда усиливается солнечная радиация. Весенний катар чаще встречается в южных странах.

До 1899 года в России не было зарегистрировано ни одного случая этого заболевания. Хотя люди и болели весенним катаром, врачи принимали его за трахому, за туберкулезное поражение глаз. Чистяков первым в Сибири обнаружил это редкое заболевание и подробно описал его.

Названные статьи, а также многие другие выявили стремление Чистякова увязывать клиническую картину болезни с морфологическими изменениями. Это стремление руководило им постоянно, оно отразилось и в трудах его учеников. Павел Иванович создал в Томске гистологическую лабораторию, долгое время работал в ней, исследуя весь патологический материал. Он основал при клинике патологоанатомический музей. Среди офтальмологов Чистяков заслуженно пользуется авторитетом знающего патогистолога.

Одна из основных причин слепоты — глазной травматизм. П. И. Чистяков описал несколько редких случаев повреждения глаз. В одной из статей речь шла о случае, когда инородное тело длительное время находилось под верхним веком больного. Здесь неминуемо должна была пострадать и роговица. Но, как ни странно, она оказалась совершенно прозрачной, нераздраженной. Этот случай натолкнул Чистякова на мысль, что воспаление роговицы при трахоме нельзя объяснять чисто механически, только лишь трением утолщен-

ного шероховатого века по верхней половине роговой оболочки, как считали тогда многие ученые. Павел Иванович проанализировал истории болезней всех больных с травмами глаз, которые прошли через Томскую глазную клинику за пять лет. Он сравнил полученные результаты с цифрами отчетов центральных клиник. Разница подчеркивала слабое развитие промышленности в Сибири и лишней раз доказывала необходимость расширения специальной глазной помощи. Ведь в то время клиника Томского университета была единственным глазным стационаром на всю Сибирь, если не считать частной лечебницы в Бийске.

Напечатанная в «Вестнике офтальмологии», эта статья явилась началом для десятков работ по травматизму и профессиональным заболеваниям глаз, которые вышли из Томской клиники в последующее время.

В 1915 году в журнале «Сибирский врач» Чистяков опубликовал статью «Случай цистицерка века». Это было первое в России описание цистицерка под кожей века. Чистякову принадлежит также второе во всей русской медицинской литературе описание многокамерного эхинококка глазницы, этого очень редкого, но опасного не только для глаза, но и для жизни человека заболевания. Большое теоретическое и практическое значение имела статья Чистякова «Состояние внутриглазного давления при старческой катаракте и в афакическом глазу».

Трудно охарактеризовать все статьи Чистякова, написанные им в томский период деятельности. Что только не интересовало ученого — статистика глазных заболеваний, организация специальной глазной помощи в Сибири, трудоустройство неизлечимо слепых, врачебная этика, история медицины... Статьи Чистякова затрагивают почти все разделы офтальмологии.

П. И. Чистяков работал не в одиночку. В эти годы по роду своей деятельности он был тесно связан с П. В. Бутягиным, Н. В. Вершининым, С. В. Лобановым, М. М. Покровским, В. В. Сапожниковым, П. И. Тиховым и другими известными учеными. «От учителя и друга», — написал на своей фотографической карточке, подаренной Чистякову, Павел Васильевич Бутягин, человек с цельным характером, независимыми взглядами. Многие научные работы Чистякова получали положительные отзывы видных специалистов.

Успехов Чистякова не могло не заметить даже царское правительство, которое неоднократно поощряло его, награжда-

дало орденами. В 1914 году Чистяков был произведен в коллежские советники (гражданский чин шестого класса в до-революционной России). Он был членом Томской врачебно-санитарной комиссии.

К этому времени П. И. Чистяков сформировался как ученый. Ему было уже около пятидесяти лет. Годы, среда, специфика работы наложили отпечаток на внешность и манеру поведения Павла Ивановича. Он больше стал следить за собой. В голосе, жестах и осанке его появились подчеркнутая неторопливость, степенность, многозначительность, подчеркнутое чувство собственного достоинства.

И лишь изредка, наедине с близким человеком, он забывался. На высокий лоб набегали легкие морщины, усы вздрагивали и топорщились, васильковые глаза лучились в доброй усмешке. Исчезали жесты и осанка, навязанные пребыванием в духовной и научной среде. Это был подкупающе простой и сердечный рыжебородый мужичок, крепкий, разумный. Выросший в гуще крестьянской, Чистяков близко общался с простыми людьми во время многочисленных поездок по необъятной России, на бесплатных амбулаторных приемах. Никакие ордена, почетные звания и должности не могли оторвать Павла Ивановича от трудового народа, борьбе за жизнь и здоровье которого он отдавал все свои силы. Он всегда верил в то, что наступит на земле справедливый общественный строй, который уничтожит угнетение человека человеком, неравенство, нищету, социальные болезни.

И такое время пришло.

П. И. Чистяков восторженно встретил свержение царского самодержавия. У него не было раздумий — куда идти. Чистяков, как всегда, был вместе с народом.

В статье «К семидесятилетию Томской глазной клиники» профессор А. Г. Сватикова, заведующая кафедрой глазных болезней Томского медицинского института, пишет: «Проф. С. В. Лобанов и П. И. Чистяков принимали живейшее участие в организации и проведении Первого съезда врачей Сибири в 1917 году. Они сыграли видную роль в деле широкого развития советской медицины. Им принадлежит заслуга в объединении медицинских и офтальмологических сил Сибири и в повышении их квалификации»⁶.

В трудные годы гражданской войны и разрухи до 1923 года Чистяков был председателем общества практических врачей города Томска. Он многое сделал для того, чтобы оживить работу этого общества, объединить и сплотить коллек-

тив медицинских работников⁷. Ни на один день не прекращалась и научно-педагогическая деятельность ученого.

Действительный член Академии медицинских наук А. И. Нестеров, в прошлом студент Томского университета и сотрудник Томского медицинского института, пишет: «Второе, что бы я хотел подчеркнуть с особой силой, — это мое воспоминание о Павле Ивановиче как человеке большого общественного интереса и диапазона. О нем можно сказать с полной определенностью, что он никогда не замыкался в узких рамках академической или врачебной деятельности, он всегда был в гуще общественных событий гор. Томска, всегда горячо откликался на них и занимал в решении общественных вопросов неизменно активные передовые позиции.

И, наконец, я хотел бы сказать два слова о П. И. Чистякове как человеке необычайно скромном и доброжелательном.

Как его бывший ученик и сотоварищ по работе в одном учреждении, хотел бы сказать, что я на всю жизнь сохраняю о Павле Ивановиче самые теплые и благодарные воспоминания».

В 1920 году декретом Совета Народных Комиссаров Павлу Ивановичу Чистякову было присвоено ученое звание профессора.

Два года еще Чистяков работал ассистентом в Томской глазной клинике, а затем, когда Пермский университет объявил конкурс на замещение вакантных должностей, он послал свои документы в Пермь. Ученый считал, что на Урале, в молодом тогда университете, он найдет лучшее применение своим силам, принесет большую пользу народу.

В мае 1923 года ученый совет Пермского государственного университета избрал Павла Ивановича Чистякова профессором кафедры глазных болезней. В этом же году он переехал в Пермь.

В ПЕРМИ

Павел Иванович Чистяков быстро прижился на Урале, полюбил этот суровый трудовой край. Он был сродни его любимой Сибири — такой же необъятный, могучий. Чистяков и раньше, во время поездок с глазными отрядами, бывал здесь, много встречался с простыми уральскими людьми, лечил их. Теперь он решил навсегда связать свою жизнь с

Уралом. Ученый понимал, что здесь его знания, опыт очень и очень нужны.

(В Перми было широкое поле деятельности, здесь имелась неплохая по тому времени глазная клиника, организованная в 1920 году крупнейшим офтальмологом В. В. Чирковским на базе глазного отделения Александровской больницы. Но в это время клиника осталась без руководителя — профессор В. В. Чирковский в 1922 году переехал в Казань.

Только что отгремела гражданская война. Молодая Советская республика еще не успела залечить раны, нанесенные войной. Кругом разруха, голод. Народное здравоохранение в чрезвычайно тяжелом положении. В Пермской губернии в 1923 году на два миллиона жителей было всего 137 врачей и около шести тысяч больничных коек. Особенно трудно протекала борьба с туберкулезом, трахомой, венерическими и другими социальными болезнями — наследием старого строя. В 1921—1922 годах в Поволжье пришел страшный голод. За два года он унес пять миллионов жизней. Люди бежали от смерти в Сибирь. Переселенцы завезли в Пермь различные заразные болезни. Только за два месяца 1923 года в Пермской губернии было зарегистрировано более ста тысяч случаев острозаразных заболеваний: в Оханске — оспа, в Чусовом — холера, всюду — сыпняк. Диспансеры — лечебно-профилактические учреждения, созданные Советской властью для борьбы с социальными болезнями, — срочно переоборудованы под заразные бараки. В Александровской больнице мало белья, нет инвентаря, плохое питание. Больные на свои деньги покупают медикаменты, гипс, хлороформ. Медицинскому персоналу задерживали зарплату на один-два месяца. Не было денег. Ни о каком расширении лечебной сети не могло быть и речи. Лишь бы сохранить то, что имеется⁸.

В таких условиях начал свою работу в Перми профессор глазной клиники, руководитель кафедры глазных болезней Пермского университета Павел Иванович Чистяков. Здесь его научно-педагогическая деятельность приобрела новый, широкий размах.

Много сил и времени Чистяков отдает тому, чтобы изменить систему преподавания на медицинском факультете. За ее перестройку выступали передовые врачи еще в начале 20 века. Теперь, при Советской власти, когда иными стали и классовый состав студенчества, и сами задачи высшей школы, перестройка преподавания тем более была необходима.

Прежде всего Чистяков обращает внимание на очень слабую практическую подготовку будущих врачей. Нужны были, как это требовали и студенты, дополнительные занятия по клиническим дисциплинам, практика.

Летом 1924 года удалось провести первую практику для студентов-медиков. Это был шаг в приближении учебы к жизни. В комиссию, которая руководила практикой, вошли профессор Чистяков и студенты Морозов и Костылев. Комиссия блестяще справилась с задачей. Первый опыт, несмотря на огромные организационные трудности, удался. На местах к практикантам отнеслись хорошо. Было решено: «Летняя практика необходима для студентов всех курсов! Она должна быть обязательной». Конечно, не обошлось без недостатков: кто-то все время практики находился в амбулатории, замещая отдыхающего врача, кому-то не оплатили работу, кто-то практиковался под руководством ротного фельдшера. Дружным смехом были встречены слова бойкой студентки первого курса: «За время работы на пункте я научилась распознавать и лечить многие заболевания»⁹.

Уже в первый год пребывания в Перми Чистяков зарекомендовал себя человеком чрезвычайно работоспособным, бесконечно преданным делу воспитания кадров. Простые, душевные и в то же время деловые выступления Чистякова на Первом окружном съезде врачей в январе 1925 года, где он, в частности, предложил организацию постоянного школьного окулистического надзора, создали ему авторитет среди врачей и передового студенчества.

В 1924 году Чистяков был избран председателем клинического совета (этот совет был создан в Перми в 1920 году как орган административно-хозяйственного управления клиниками)¹⁰. В этом же году его избирают председателем методической комиссии по перестройке системы преподавания. В нее вошли три профессора, два студента и преподаватель. Комиссия собиралась ежедневно, даже в выходные дни и каникулы. Она проанализировала материалы предметных комиссий, изучила методы преподавания на каждой кафедре, согласовала их, устранила ненужный параллелизм¹¹. Работа была напряженной. Ведь от уровня подготовки молодых специалистов зависело развитие советского здравоохранения.

Каким должен быть врач? Как готовить его?

Одни предлагали увеличить срок обучения. Другие настаивали на конкретизации знаний, то есть на уменьшении программы общеобразовательных наук и перенесении центра

тяжести на практические работы. Многие газеты, в том числе пермская «Звезда», решали вопрос о реформе высшей школы очень просто, в характерных для того времени категоричных выражениях: «Долой универсальность! Школа дает практиков. В основном — глубокая специализация». А следуя из этого — долой лекции! Только лаборатории и практические занятия в группах!

Но многие ученые, врачи-практики, боясь уклона в фельдшеризм, оспаривали это мнение. Так, З. П. Соловьев, выдающийся деятель советского здравоохранения, указывал, что как раз сейчас более всего нужен врач-универсал, врач-общественник¹².

Нарком здравоохранения Н. А. Семашко также возражал против ранней специализации. Он говорил, что врач должен быть лечебником и профилактиком, биологом и материалистом с широкой научной подготовкой. Иначе можно изуродовать тип врача¹³.

Четких директивных установок о методах преподавания не было. Периферии в этом направлении предоставлялась полная самостоятельность.

В результате, в одних вузах господствовала лекционная система, в других же переходили на лабораторно-групповой метод обучения без лекций, отменяли курсовые работы, зачеты. Но тем и другим мешала переполненность курсов, недостаток средств, реактивов, отсутствие преподавателей.

Были попытки ввести лабораторно-групповой метод обучения и на медицинском факультете Пермского университета, но большинство преподавателей, в том числе и Чистяков, выступили против него¹⁴.

В своем докладе на съезде врачей Уральской области в 1924 году Чистяков указал на необходимость осторожного проведения в жизнь плана преподавания по лабораторно-групповому методу. А спустя два года, отчитываясь о своей работе в 1925/26 учебном году, Чистяков написал в Наркомпрос: «По всем кафедрам ликвидирован разнобой в преподавании и введен не лабораторно-групповой метод без лекций, а лекционно-лабораторный. Лекции сопровождаются беседами и семинарами».

Заместитель наркома просвещения, ознакомившись с отчетом Чистякова, отметил энергичную работу деканата, удовлетворительную связь с клиниками, интенсивное развитие научно-исследовательской работы. Но в то же время он резко раскритиковал университет за «недостаточное проведение

в жизнь новых методов преподавания, так как из отчета явно усматривается стремление сохранить лекционные методы преподавания». Много было и других попыток поставить методику преподавания с ног на голову. Нелегко было бороться против извращений, отстаивать ту систему преподавания, которая принята сейчас. И Чистякову, как председателю методической комиссии, долго приходилось принимать на себя главные удары.

Начало работы П. И. Чистякова в Перми связано с очень тревожным моментом в жизни Пермского университета. Именно тогда повсюду закипели разговоры о закрытии Пермского университета, о ликвидации медицинского факультета.

«Уважаемый Павел Иванович! — писал в 1923 году Чистякову приват-доцент А. П. Владыченский, один из учеников профессора С. В. Лобанова. — Поздравляю вас с назначением на кафедру, которую вы так давно уже заслужили. Меня только смущает то обстоятельство, что Пермский не кадровый университет и может быть сокращен. Не останетесь ли вы тогда за бортом?»

Слухи о ликвидации медицинского факультета имели под собой почву. В 1923 году Пермь стала окружным городом огромной Уральской области с центром в Екатеринбурге (Свердловске). Послышались голоса о переводе медицинского факультета в центр области. Содержать же два медицинских факультета (по существу два вуза) в одной области не было средств.

Революция пробудила тягу к знаниям. Всюду вырастали новые университеты — в Астрахани, в Крыму, Туркестане, Иркутске, Ярославле, Владивостоке. Пытались создать их даже в Соликамске, в Великом Устюге. Они отвлекали и без того скудные силы и средства, однако многие из них вскоре хирели и закрывались.

Жители Екатеринбурга всеми силами старались перевести медицинский факультет Пермского университета в Екатеринбург. За его перевод выступали представители облздравотдела, екатеринбургское студенчество.

В 1923 году Пермь посетил народный комиссар просвещения А. В. Луначарский. Он ознакомился с пермскими клиниками и дал им высокую оценку. Но его подкупал энтузиазм жителей Екатеринбурга. Необходимо было мобилизовать пермскую общественность и студентов и выступить за оставление медицинского факультета в Перми.

В этом не последнюю роль сыграл П. И. Чистяков. Он был убежденным противником перевода медицинского факультета в Екатеринбург. Сохранился документ, в котором Чистяков писал: «Вследствие происходящей в настоящее время борьбы за медфак между Пермью и Екатеринбургом президиум медфака просит всех зав. кафедрами в спешном порядке представить отчеты по прилагаемой форме...»¹⁵.

Вскоре в Пермь приехал представитель Наркомпроса Истомин. Он отметил, что подготовка врачей в Пермском университете может протекать лучше, чем в столичных. Например, в 1-м МГУ на одного больного приходится 15 студентов-кураторов, а в Перми — 2 куратора. В Москве запись для работы в лабораториях проводится за два года. Он подтвердил указание оставить на Урале один медицинский факультет, и конечно, Пермский. Спор был решен в пользу пермяков. Иначе и не могло быть — пермские клиники, специальные кафедры университета работали так, как требовало время, — работали с полным напряжением сил. «Ваш медфак, — заявил Истомин, — не уступает столичным...»¹⁶.

В 1925 году П. И. Чистяков был избран деканом медицинского факультета. Ученый просит освободить его от ответственной работы в методической комиссии. Но президиум медицинского факультета и профессор К. Н. Шапшев, который был тогда заместителем декана, уговорили Павла Ивановича остаться в комиссии. Мало того, его избрали председателем еще одной комиссии — экспертной.

В 1922 году при университете было создано научно-медицинское общество. Руководил им профессор В. Н. Парин. П. И. Чистяков был товарищем (заместителем) председателя. Общество насчитывало 118 членов.

14 октября 1926 года Пермскому университету исполнилось десять лет.

С первого же года существования в нем возникли невозможные для старых университетов демократические порядки: в аудиториях появилось много женщин, лекции посещались рабочими, в совете университета представляли студенты. Эвакуация университета белыми, разруха, голод, эпидемии отрицательно сказались на развитии университета. Несколько более прочным было существование медицинского факультета (студенты и преподаватели этого факультета были приравнены к военнослужащим и получали красноармейский паек). Студенты и сотрудники университета бедствовали. «Было время, — вспоминал один из сотруд-

ников университета, — когда на нормальный месячный оклад профессора можно было купить только 15 фунтов ржаной муки. Все занимались огородничеством, предварительно выкорчевывая пни за городской скотобойней, некоторые профессора занимались выгрузкой бревен на берегу Камы»¹⁷.

Многие студенты покинули университет. Оставшиеся работали на расчистке путей, на лесобирже, на товарном дворе. Вечерами в аудиториях сидели не снимая шуб. Не чувствуя окоченевшими пальцами карандашей, записывали лекции.

Но учебный процесс на медфаке не прерывался. Не прерывался потому, что у народа очень сильна была тяга к знаниям, что в стенах университета трудились такие замечательные ученые-подвижники, как В. Н. Беклемышев, Б. Ф. Вериго, А. А. Заварзин, В. М. Здравосмыслов, В. Н. Парин, В. П. Первушин, П. И. Пичугин, В. В. Чирковский, В. К. Шмидт и другие. Среди студентов тогда были З. А. Андриевская, И. С. Богословский, А. С. Дашевский, И. А. Иванов, В. А. Коркин, Л. И. Морозов, В. В. Парин, А. В. Пшеничнов, Д. М. Разживин, А. М. Родигина, А. П. Соколов, А. А. Суконщиков и многие другие, ставшие теперь академиками, профессорами, заслуженными врачами, талантливыми организаторами народного здравоохранения.

В 1922 году, в свой первый выпуск, медицинский факультет Пермского университета дал стране 38 специалистов.

В 1926 году дипломы врачей получили уже 217 человек. За десять лет университет выпустил 838 специалистов, из них 613 врачей¹⁸.

В день юбилея университета нарком здравоохранения Н. А. Семашко прислал телеграмму, в которой говорилось: «Пермский университет, зародившийся накануне Великой пролетарской революции и воспитанный целиком на началах советской общественности, несмотря на свой молодой возраст, уже занял одно из видных мест среди наших вузов»¹⁹.

Член коллегии Наркомпроса профессор В. М. Броннер заявил: «Несомненно, среди молодых медицинских факультетов, создавшихся за последнее десятилетие, Пермский занимает первое место. Сильный по составу преподавательских сил, опирающийся на ряд учебно-вспомогательных учреждений, из которых многие могут конкурировать с аналогичными учреждениями центра... В целом медицинский факультет в Перми силен»²⁰.

На страницах «Звезды» с большой итоговой статьей

«Медфак за 10 лет» выступил декан медицинского факультета профессор П. И. Чистяков. В ней он рассказал о напряженной работе преподавателей, о их научной продукции, о том, как они в трудные для страны годы устанавливали связи с другими научными учреждениями. Интересен такой

П. И. Чистяков среди сотрудников Пермской глазной клиники и глазных врачей Уральской области.

факт. В 1926 году биологический институт (кафедры анатомии, гистологии и микробиологии) обменивался своими «Известиями» с 98 русскими и 190 иностранными учреждениями, в том числе с 12 Академиями наук. Клиники Перми стали притягивать больных со всего Урала и других областей. «Медфак, — писал Чистяков, — справедливо гордится своими клиниками, которые оборудованием и помещением не только не уступают, но и превосходят многие столичные клиники. В этом — несомненное достижение!»

Медицинский факультет Пермского университета прочно обосновался в Перми. В дальнейшем, в 1930 году, он выделился в самостоятельный медицинский институт. Теперь это один из сильнейших медицинских вузов страны, в котором трудятся более трехсот научных работников.

СНАЧАЛА ДЛЯ ЛЮДЕЙ

Первый самостоятельный учебный год профессор П. И. Чистяков начал довольно поздно для ученого—в 56 лет. В Пермской глазной клинике, которую он принял в 1923 году, было всего два начинающих ординатора. В отделении клиники имелось только 25 коек.

В 1903—1904 годах вместе с доктором А. И. Масленниковым Чистяков работал в глазном отряде на территории нынешних Удмуртии и Кировской области. Его поразило огромное количество больных глазами, слепых. Его привлекла тогда возможность создания продуманной системы глазной помощи, привлекла перспектива захватывающих по разнообразию наблюдений и научных работ, научных открытий. Ради этой перспективы восемнадцать лет назад он отказался от настойчивого приглашения Платона Ивановича Тихова перейти к нему ассистентом на госпитальную хирургию.

Теперь пришло время осуществить свои замыслы. Но как это сделать, когда, с одной стороны, десятки тысяч больных—безбрежное море трахомы, вековое бескультурье, невежество, голод, эпидемии, а с другой—ограниченные возможности госпитализации? Ведь этих 25 коек совершенно недостаточно не только для научной работы и преподавания, но даже и в самой малой степени для удовлетворения нужд населения в глазной помощи.

Тягостным был разрыв между возможностями клиники и потребностью госпитализации больных, которые нуждались в стационарном лечении. Особенно лихорадило клинику в дни студенческих кураций, когда больного нельзя было выписать до конца цикла занятий. В это время в областную поликлинику прибывали издалека десятки слепнувших и уже ослепших людей. Не у всех были деньги на обратную дорогу или родственники в Перми. Всех их надо было разместить в городе, обеспечить лечением. Приходилось оперировать больных в амбулаторных условиях, отказывать в стационарном обследовании и лечении, искусственно укорачивать средний койко-день, то есть выписывать из клиники недолеченных больных.

С годами росли научные кадры. Удачная защита диссертаций окрыляла молодых кандидатов. Они жаждали простора для исполнения своих замыслов. Некоторые мечтали использовать больничные койки для широкой проверки новых методов, новых средств лечения. Хотелось работать по-

П. И. Чистяков осматривает больного.

новому. Но действительность отбрасывала назад. Заедала текучка. Не было возможности оставить больного в клинике даже для того, чтобы проследить непосредственные результаты операции.

В этой напряженной обстановке возникали конфликты, иногда открыто проявлялось недовольство. Нелегко приходилось профессору. Не один раз он мучительно раздумывал над тем, как лучше использовать имеющиеся в клинике свободные койки. То ли выделить их для ведения научной работы молодым ученым, то ли предоставить в распоряжение новых больных, которым требуется немедленная помощь. Побеждало последнее.

— У нас не клиника, а самая заштатная больница, — в состоянии крайней досады сказал однажды при профессоре молодой ассистент. Чистяков не ответил, будто ничего не слышал. Но слова ассистента больно заделали его.

С первых дней заведывания глазной клиникой профессор Чистяков доказывал необходимость расширения коечной сети. «Глазник без глазного отделения подобен человеку, который видит утопающего и не может его спасти», — неоднократно писал он. Но проходили год за годом, а потребность в койках оставалась неудовлетворенной. В восстановительный период было не до глазной клиники, затем отразился перевод областного центра в Свердловск, потом помешали война и опять восстановительный период. Решить этот вопрос было очень и очень трудно.

Взять хотя бы организацию помощи трахоматозным больным. Тридцать лет работы в Перми Чистяков настаивал на открытии особого трахоматозного отделения, трахоматозной лечебницы. Все тридцать лет в клинике было тесно, порою скученно. Не было возможности госпитализировать больных для плановой научно-педагогической работы. Все тридцать лет обстоятельства складывались неудачно, и у Чистякова пошатнулась вера в свои организаторские способности.

Наконец, трахоматозный диспансер был создан, но за счет глазной клиники — в ее здании и за счет ее коек. Профессор и не пытался скрыть своего неприязненного отношения к этому дочернему учреждению. Ведь было решение Совета Министров. Было решение облисполкома о передаче диспансеру здания, занятого другим учреждением. Не было лишь человека, способного отвоевать это здание для диспансера... И такой человек нашелся.

Профессор Чистяков давно приметил его.

На пятом курсе студент Вениамин Плешков посещал занятия глазного кружка. На шестом, будучи субординатором, написал статью об амилоиде глаз и выступил с докладом на Всесоюзном совещании офтальмологов. Он нравился Чистякову самостоятельностью, выдержкой, способностью быстро схватить суть вопроса, умением лаконично и образно выражать свои мысли. Плешков стремился к научной деятельности и с согласия профессора готовился в ординатуру.

Но оказалось, что Павел Иванович ходатайствовал о назначении Плешкова главным врачом трахоматозного диспансера. Об этом Плешков узнал слишком поздно — на комиссии по распределению.

«Он сделает то, что не удалось мне», — думал Чистяков. Безошибочный глаз старого педагога открыл в человеке организаторские способности...

На шумном перекрестке улиц Куйбышева и Пушкина под крышей непримечательного одноэтажного дома разместилось несколько лабораторий. В кабинете директора за столом высокий пожилой человек с усталым лицом; имя его встречается в медицинских руководствах и справочниках. Напротив него светловолосый худощавый юноша, недавно с институтской скамьи. Между ними на столе старинный письменный прибор с подсвечниками и замысловатым металлическим заборчиком, в центре прибора чуть поблескивает бронзовая подкова — вестник счастья и удачи.

Для кого удачи? У обоих врачебные дипломы, у обоих общественные интересы, у обоих важные планы. Каждому нужно это здание, судьбу которого решил облизполком. Они встретились не первый раз. Позади месяцы борьбы, комиссии, заседания, письма, звонки, отчаянное напряжение нервов.

И на этот раз старший упорно стоит на своем — он категорически против передачи здания трахоматозному диспансеру. Он против переезда в другое помещение. Опять набившие оскомину доводы, спор, бесплодные попытки убедить друг друга. Наконец, старший сдает. В сердцах сгребает он со стола и швыряет на пол злополучный, ненужный теперь прибор и... ключи от помещения. Плешков спокойно опускает ключи в карман, выкатывает из-под дивана отлежавший подсвечник и прилаживает его к мраморной доске прибора.

— Ничего, пока сойдет. Новым обзаводиться недосуг...

А дальше — счет крупный. На спидометрах машин десятки тысяч километров, позади сотни сел и деревень. Меся-

цами вдали от дома, врачи ежегодно осматривают сотни тысяч пар глаз. Наконец, после напряженного труда, невиданного доселе по размаху, учтены все больные трахомой. Их оказалось в три раза больше, чем числилось по отчетам. На каждого заведена карточка, каждый внесен в списки. Теперь — дело за кадрами, правильной расстановкой их.

В борьбу против трахомы под руководством советских и партийных органов постепенно включилась общественность.

В местах распространения трахомы были организованы десятки новых трахоматозных пунктов, туда были отправлены тонны ценных медикаментов. Врачи прооперировали не одну тысячу трахоматозных больных. Более тридцати тысяч человек были сняты с трахоматозного учета. Трахома как массовое заболевание была ликвидирована.

Такие масштабы борьбы с трахомой, этим наследием старого строя, оказались по плечу только социалистическому государству.

Через пять лет работы В. В. Плешков был назначен главным врачом областной больницы, в числе лучших работников здравоохранения он был награжден орденом.

И вот Плешков снова в кабинете профессора. Он не оставил мысли о научной работе. Только вот совершенно не остается времени. Что ж, разговор этот рано или поздно должен был состояться. Избегая смотреть в глаза, профессор ответил без обиняков:

— Конечно, я знал, но что придумаешь? Полагаете, ваша научная статья, ну, пусть, диссертация, улучшили бы глазную помощь в области? Сначала для людей сделайте... чтобы больным лучше стало. Потом уж для себя.

Таким был в жизни и сам Чистяков: сначала для людей, а для себя потом. Да иначе и не позволила бы врачебная совесть.

ЗАСЛУЖЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ НАУКИ

В советской офтальмологии имя П. И. Чистякова стоит в одном ряду с именами М. И. Авербаха, В. П. Одинцова, К. Х. Орлова, В. П. Филатова, В. В. Чирковского и других крупнейших советских офтальмологов.

Успехи ученого во многом объясняются тем, что Чистяков в своей научной деятельности никогда не отрывался от жизни, от врачебной практики. Темы для научных работ Чистякову подсказывала жизнь.

Требования жизни заставляли совершенствовать технику и методику операций, искать новые средства лечения больных и предупреждения заболеваний.

Первые годы работы в Перми. Чистяков борется за то, чтобы организовать на Урале постоянную глазную помощь. Напутствуемые профессором, ординаторы и ассистенты ежегодно на несколько месяцев выезжают в районы, на заводы, проводят массовые осмотры населения, изучают особенности производства. Они выясняют, где находятся очаги трахомы, где шире распространены глазные заболевания. Обобщив результаты этой огромной обследовательской работы сотрудников глазной клиники, Чистяков написал ряд статей о деятельности глазных отрядов, о профессиональных заболеваниях и травматических повреждениях глаз.

Основные гнезда трахомы были зарегистрированы в Коми-Пермяцком национальном округе и в Бардымском районе. Там появились первые в Прикамье глазные диспансеры.

Примером тесной связи с жизнью можно назвать серию статей, опубликованную Чистяковым в 1925—1927 годы, в период его работы деканом медицинского факультета. Эти статьи, посвященные задачам советской медицины, состоянию высшего медицинского образования и другим актуальным вопросам, имели ярко выраженное общественное звучание.

Трудности в работе не пугали ученого. Это в основном были трудности роста. Глазная клиника расширяла свою деятельность.

Пока не было лаборатории, приходилось лишь анализировать результаты клинических наблюдений. Но все знали—это явление временное. И в этих условиях находили возможность для творческой работы.

Казалось бы, широко распространенная операция по поводу удаления катаракты уже была изучена полностью. Но и здесь наблюдательному глазу открылась новая деталь. П. И. Чистяков первым в мировой офтальмологической литературе отметил невралгию первой ветви тройничного нерва как одно из послеоперационных осложнений при удалении катаракты.

К этому же времени относятся интересные статьи Чистякова, в которых он дал обстоятельный анализ редких случаев инфекции после удаления хрусталика.

Много материала Чистякову дали наблюдения за исходом пластических операций при завороте век и при злокаче-

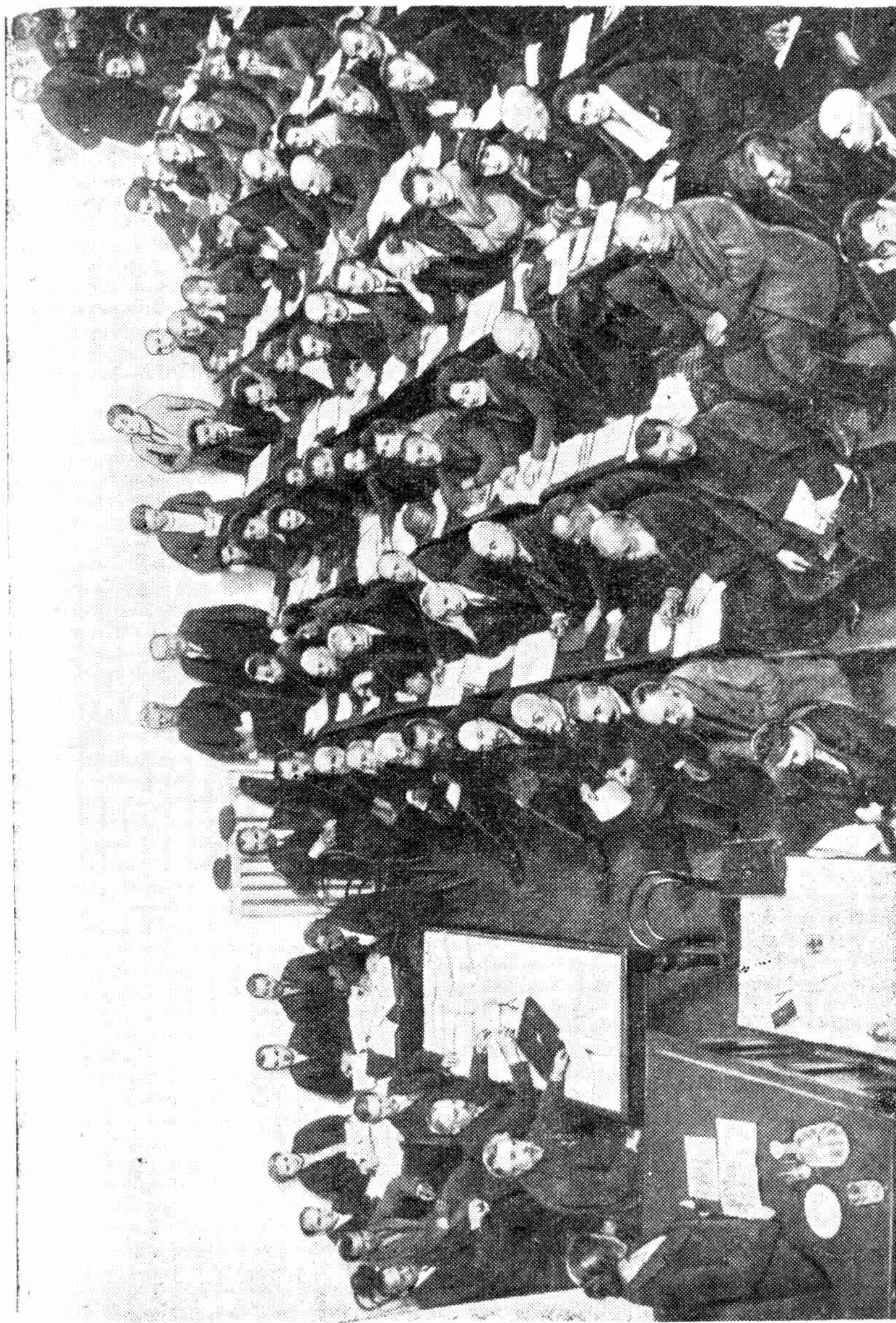
ственных опухолях век. Он испытал способы разных авторов, предложил свои варианты, которые иногда исправляли заворот, но в ряде случаев оказались безуспешными. Обо всем этом профессор рассказал в статьях о восстановлении века, об операциях Панаса и Шнеллера. Следует отметить, что эти статьи, как вообще все работы Чистякова, отличаются не только наблюдательностью автора, превосходным знанием офтальмологии, но и строгой научной объективностью.

В статьях Чистякова нет стремления показать товар лицом. В них традиции пироговских «Анналов», традиции настоящих ученых: не скрывать, не замазывать своих неудач и ошибок, а сделать их известными для товарищей по профессии. Пусть все знают о твоих неудачах. Но этим ты избавишь многих больных от ненужных мучений.

П. И. Чистяков как автор принимал участие в издании многих капитальных трудов. Так, для трехтомного коллективного руководства «Глазные болезни», многие разделы которого и теперь сохраняют научное и практическое значение, он в 1927 году написал большую главу «Заболевания сосудистого тракта». Несколько его статей помещены в первом издании Большой Медицинской Энциклопедии. Статья «Общая характеристика внутриглазных инородных тел» вошла в интересный сборник «Боевые повреждения глаз и их лечение». П. И. Чистякову принадлежит и одна из глав — «Операции на радужной оболочке» — в руководстве по глазным болезням, вышедшем в 1960 году.

Особо следует отметить печатные отчеты Чистякова о деятельности глазной клиники. Эти отчеты — своеобразная летопись глазной клиники, обстоятельное описание ее успехов и неудач. В них много интересных высказываний Чистякова о научно-исследовательской и лечебной работе, о подготовке медицинских кадров и т. д. Многие деятели медицины, знакомясь с отчетами, давали им высокую оценку. Так, профессор Б. В. Парин, известный своими работами по восстановительной хирургии, писал: «Ваш отчет о работе глазной клиники представляет большой интерес не только для специалистов... Профессор О. А. Дудинов, заслуженный деятель наук, Ваш бывший ученик по Томску, очень заинтересовался Вашим отчетом и даже взял его на несколько дней». Известный советский офтальмолог профессор А. И. Покровский говорит: «Ваши отчеты резко отличаются от других своею обстоятельностью и тщательным анализом. Я их всегда ставлю в пример своим сотрудникам и охотно в них заглядываю при

В зале заседаний Первого Всесоюзного съезда офтальмологов. П. И. Чистяков —
в президиуме (в центре, крайний справа).

анализе своего клинического материала». Другой офтальмолог профессор В. М. Остроумов свидетельствовал: «Книги (отчеты) дороги как руководства по офтальмологии».

Павел Иванович Чистяков был участником многих значительных съездов и конференций. В 1926 году, например, он участвовал в работе Первого Всесоюзного съезда офтальмологов. На открытии съезда присутствовали наркомы А. В. Луначарский и Н. А. Семашко. Здесь были ученые с мировым именем, видные офтальмологи: Васютинский, Выгодский, Головин, Каминский, Лобанов, Лотин, Люткевич, Масленников, Орлов, Спасский, Страхов, Филатов, Франк-Каменецкий и многие другие. В президиум офтальмологи избрали Максимова, Савваитова, Ченцова, Чирковского и Чистякова. Этот съезд объединил усилия врачей в борьбе против слепоты, трахомы, глазного травматизма.

Вернувшись домой, Чистяков занялся подготовкой к Первому съезду хирургов, гинекологов, отоларингологов и глазных врачей Уральской области, который состоялся в 1927 году. Один из участников съезда заслуженный врач РСФСР А. А. Любимов рассказывает: «В окружении своих учеников явился на съезд Павел Иванович и произвел на участников очень благоприятное впечатление. Открывая заседание глазной секции, он попросил вставанием почтить память Е. П. Серебренниковой, талантливой женщины-врача офтальмолога, основоположника специальной глазной помощи на Урале... Вся работа глазной секции направлялась опытной рукой Чистякова».

В дальнейшем Чистяков почти ежегодно выезжал на всероссийские конференции, на сессии Центрального научно-исследовательского института глазных болезней, на заседания правления Всероссийского общества глазных врачей, членом которого он был. Павел Иванович принимал участие в редактировании «Русского офтальмологического журнала», «Архива офтальмологии», «Советского вестника офтальмологии», «Вестника офтальмологии» и «Вопросов трахомы». Он был редактором многих сборников научных работ, которые выпускал Пермский медицинский институт.

Чистяков пользовался огромной популярностью в офтальмологическом мире. Известные ученые и рядовые врачи-практики часто обращались к нему за советом. Со многими из них он поддерживал переписку, порою весьма оживленную.

Павел Иванович дружил с В. П. Одинцовым, автором прекрасных руководств по офтальмологии и глазной хирур-

гии, основателем «Русского офтальмологического журнала». Сотрудники глазной клиники 1-го Московского медицинского института были свидетелями замечательной дружбы этих выдающихся офтальмологов. Дружеские отношения до конца своих дней Чистяков сохранял с учеником П. В. Одинцова, автором оригинального труда «Морфологические основы офтальмоскопической диагностики», ныне членом-корреспондентом Академии медицинских наук В. Н. Архангельским.

Главный офтальмолог Министерства здравоохранения СССР профессор А. С. Савваитов, узнав о том, что в Центральный институт глазных болезней приехал кто-нибудь из Перми, старческими шагами торопился навстречу и, протягивая руки, нетерпеливо спрашивал:

— Ну, как там Павел Иванович?

У Чистякова было много друзей и учеников, которые видели в нем замечательного ученого и прекрасного человека. Вот несколько примеров.

Профессор Т. шлет Чистякову свою монографию и просит отзыв: «Ваше мнение для меня особенно ценно».

Профессор П.: «Посылаю Вам свою брошюру и прошу дать отзыв».

Профессор М.: «Ваши замечания будут ценными для нас и позволят в будущем устранить недочеты при издании второго сборника».

Ему писали: «...Вы единственный человек, от которого я могу ждать искреннего совета», «...Ваши рецензия и указания, как продолжать эту работу, будут для меня счастьем», «...Я возлагаю на Вашу мудрость и Вашу доброту большие надежды» — и так десятки и сотни писем.

Трудно назвать тех, кто присылал ему на отзыв свои статьи, брошюры, монографии, кто обращался к нему за помощью. Всех притягивала строгая объективность, доброжелательность критики и скромность Чистякова. Кстати сказать, Чистяков, не желая «отнимать хлеб у других», не написал ни одной работы совместно с кем-либо из своих учеников.

П. И. Чистяков был душой Пермского общества врачей-глазников. Конференции этого общества являлись школой коллективного творчества, школой научной подготовки кадров. Чистяков на конференциях выступал обычно последним, но слушали его доклады всегда с большим вниманием. Особой популярностью пользовались обзоры отечественной и зарубежной офтальмологической литературы — очень краткие (не более двадцати минут), но содержательные. Чистяков

говорил четко, ровным, спокойным голосом. Повышенный интерес к его выступлениям объяснялся их смысловой насыщенностью. Ученый умел в своих выступлениях показать столкновение идей, теорий, умел найти новое, увязать его с практикой, с известными для многих случаями. Все это и привлекало слушателей.

Сотрудники глазной клиники не раз бывали свидетелями холодного отношения Павла Ивановича к сенсациям, порожденным слишком увлекающимися людьми, особенно журналистами. И каждый раз после тщательной проверки оказывалось, что учитель был прав. Так было, например, с «курским методом лечения близорукости». Выработанная в течение десятилетий привычка доверять только тому, что может быть проверено и подтверждено, породила в Чистякове сдержанность в оценке самого безупречного на вид метода лечения. Он говорил, что человеку, который хотя бы в небольшой степени страдает излишней доверчивостью, легкомыслием, не умеет свои чувства и желания подчинить логическим выводам разума, лучше не браться за научную работу.

Как ученый-офтальмолог П. И. Чистяков жил на грани двух периодов развития своей науки. В первом еще можно было благодаря своей инициативе, наблюдательности и знанию литературы сделать какие-то открытия. В дальнейшем положение изменилось: все доступные для одиночек темы были уже подняты, разработаны. Теперь открытия стали принадлежать большим коллективам, широко использующим в своей работе новые приборы, новые методики, новые общие средства, данные биологии и других наук. Время одиночек прошло.

П. И. Чистяков хорошо представлял новые условия развития офтальмологии. Он видел, как с каждым годом возрастает количество публикаций, как трудно бывает переварить, усвоить все новое, появившееся в печати. Но знать о последних достижениях необходимо, чтобы применить их в своей работе и не открывать уже открытого другими. В этих условиях резко возросла роль ученых, способных добросовестно процеживать бесконечный бумажный поток, оценивать важное, сообщать о новом другим, помогать им ориентироваться. Без таких людей в науке был бы хаос, топтанье на месте. Именно поэтому П. И. Чистяков так много сил и времени отдавал обобщению опыта советской и зарубежной офтальмологии, передаче его.

Эта чрезвычайно важная и кропотливая работа, к сожалению

нию, ценится мало, она не бросается в глаза. И какую нужно иметь настойчивость, силу воли, чтобы посвятить ей лучшие порывы своей души. — «Ах, бедный профессор, не видит он радости в жизни, убивает себя на работе и ничего, кроме своих книг, не видит», — вздыхают обыватели. Но как они далеки от истины! Наука может увлечь человека не меньше, чем живопись, музыка, литература. Пример этого — вся жизнь Павла Ивановича Чистякова.

За выдающиеся заслуги в области науки Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 10 февраля 1943 года профессору Павлу Ивановичу Чистякову было присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки РСФСР.

Более сорока научных работ, сотни отзывов, рецензий, рефератов, информации вышло из-под пера Чистякова в пермский период его деятельности.)

В них он затрагивал вопросы истории и организации глазной помощи на Урале, вопросы лечения глазных заболеваний. Первым в Советском Союзе он предложил неизлечимо слепых обучать лечебному массажу.

В перечне его работ мы не видим изобретений, крупных открытий. Время открытий — досуг. У Чистякова не было досуга. Все свое время он отдавал огромной научно-практической работе, ученикам.

П. И. Чистяков всегда был с людьми, с больными. Им посвятил он всю свою жизнь. Ученый не жалел времени на лечебную работу. Он ежедневно делал обходы, осматривал больных, консультировал их в клинике и в амбулатории, три дня в неделю занимался операциями и подготовкой к ним.

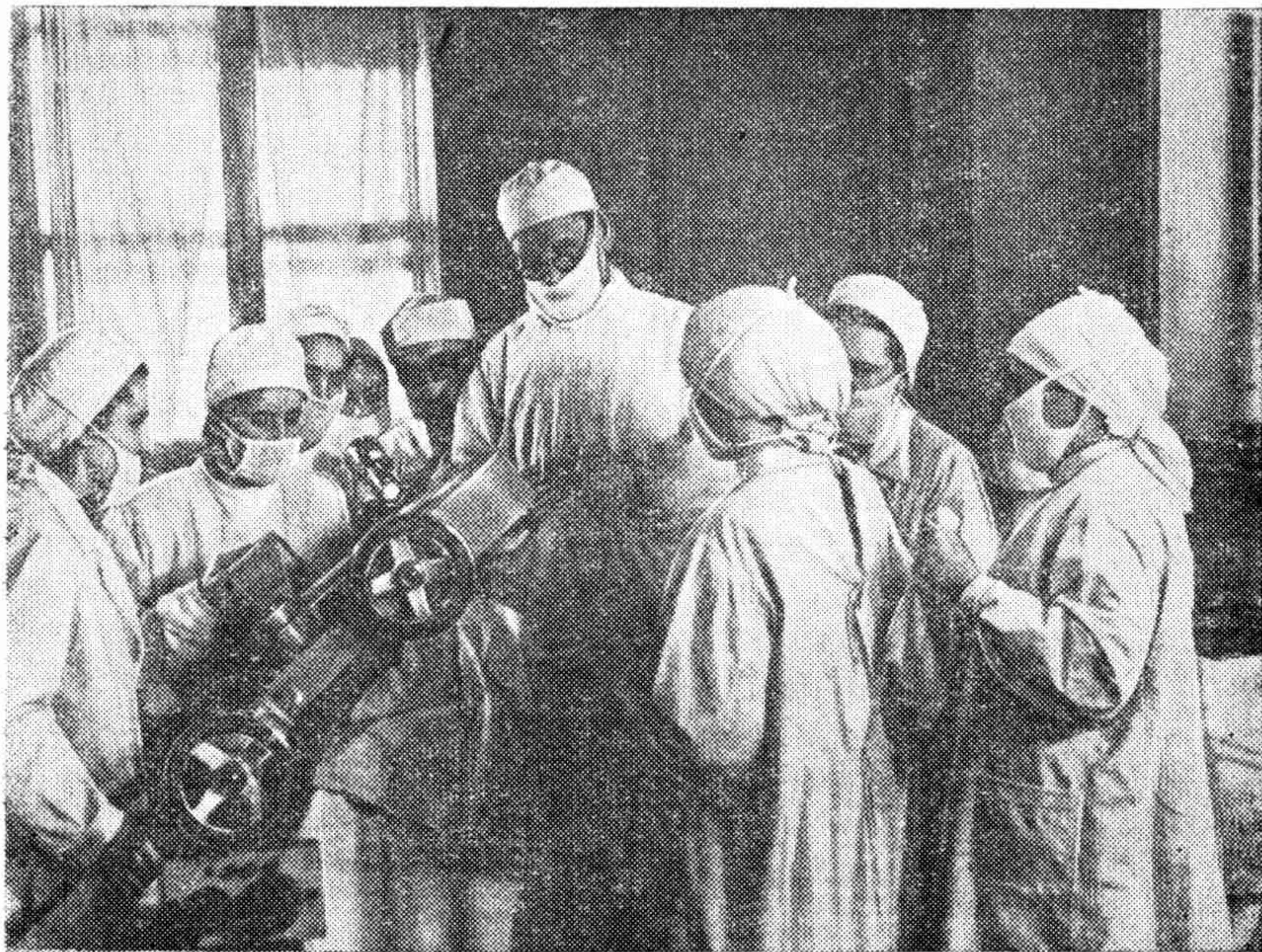
Особенно тяжело пришлось в военные годы, когда на всю клинику оставались один ординатор и ассистент. Чистякову, кроме своей обычной работы, пришлось выполнять обязанности лечащего врача: принимать больных, сидеть в амбулатории, записывать истории болезни, проводить освидетельствование освобожденных от воинской службы. Он консультировал больных в госпиталях города, оперировал.

Более сорока тысяч операций сделал Павел Иванович Чистяков за свой век, десяти тысячам больных вернул зрение, вернул возможность трудиться, ощущать полноту и радость жизни.

Из разных концов страны получал он ежедневно письма от людей, обращавшихся к нему с последней надеждой или со словами благодарности, с просьбой дать совет или выслать необходимые лекарства. Вот письмо с Дальнего Востока.

Работники комбината «Дальолово» просят вернуть зрение лучшему производственнику П., который повредил глаза на работе. А это письмо — от комсомолки Валентины Козловой, которая работает бухгалтером-ревизором в Тульской области. Она мечтает о том, чтобы ей сделали операцию в Пермской глазной клинике.

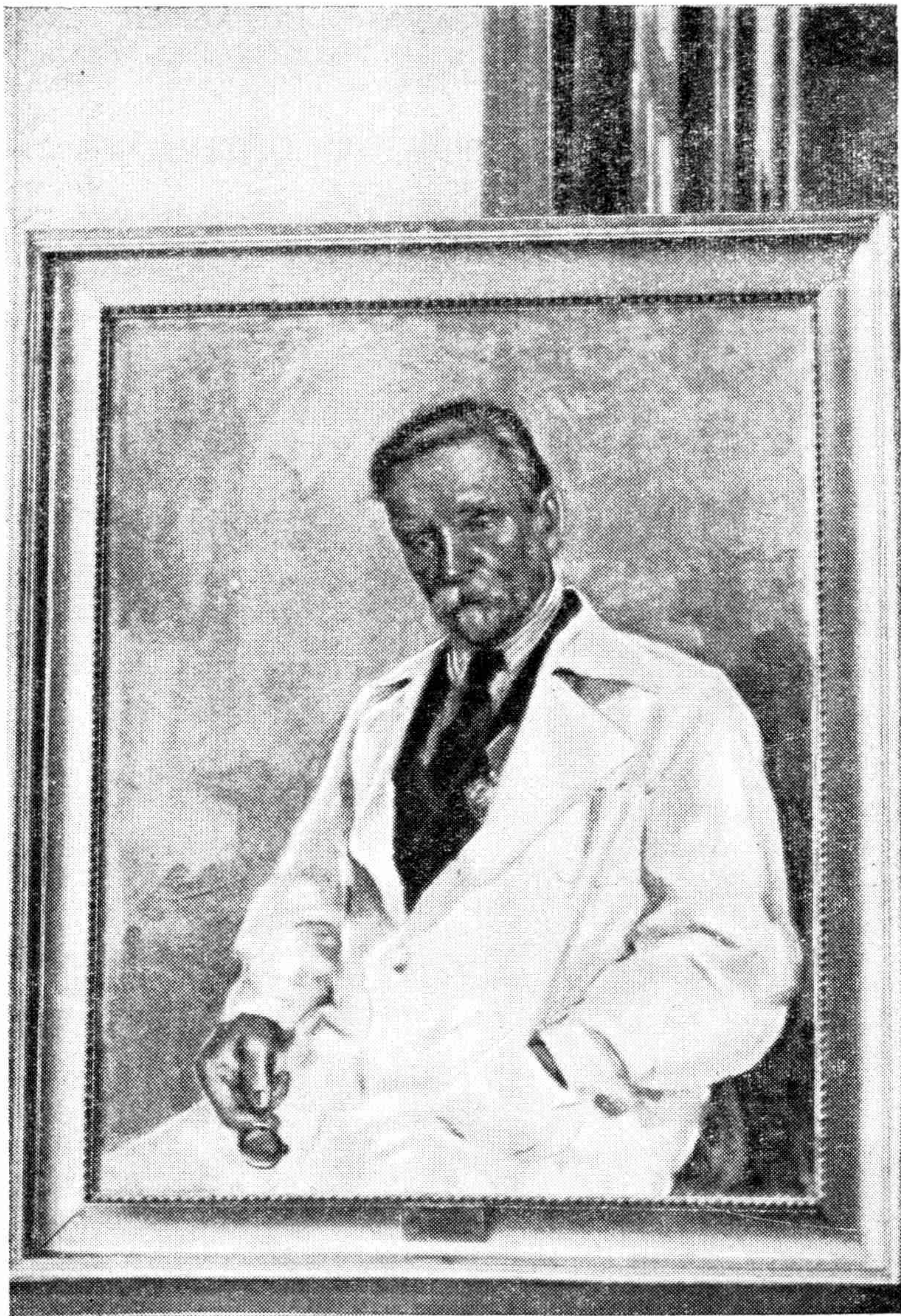
Перед электромагнитной операцией.

В 1958 году Валентина Козлова после удачной операции собиралась домой. Перед отъездом кто-то из сотрудников клиники спросил:

— Почему настаивали на операции в Перми?

— Раньше слышались и читались о чудесах, которые делают глазные врачи на юге. Приехала туда без направления. Иногородняя. Узнала, операция дорого обойдется. Мне сразу неприятно стало, когда вопрос зашел о деньгах. Разве можно после этого с душой относиться к больному? Тут увидела в «Советской России» портрет Чистякова. Он по виду как мой дед — работающий, доступный, простой. Очень мне

Пермская художественная галерея.
П. А. Оборин. «Заслуженный деятель науки П. И. Чистяков».

понравилось его лицо. Подумала, что такой человек никогда не опоганит рук деньгами нуждающихся больных. Рада, что не ошиблась в нем. Поездка в Пермь обошлась дороже? Нет, мне принцип дороже денег.

Советское правительство, народ не раз высоко оценивали труд замечательного ученого, врача, педагога.

Павел Иванович Чистяков был награжден двумя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, медалями, почетными грамотами.

...В январе 1958 года Пермский медицинский институт отмечал юбилей своего старейшего ученого. После приветственной речи заместителя директора юбиляру стали преподносить подарки, папки с адресами. Председатель юбилейного комитета зачитывал пачки поздравительных телеграмм. Более четырехсот телеграмм со всех концов страны. Волнение в зале нарастало. Откуда у этого человека такая популярность? Она не вязалась с его подчеркнутой скромностью, с его смущенной, застенчивой улыбкой. О чем-то он сегодня поведаст собравшимся, этот умудренный жизнью человек с семидесятилетним рабочим стажем за плечами?

Наконец-то наступила тишина. Заговорил юбиляр:

— К сегодняшнему дню, по традиции, я приготовил две речи, два трактата, на ваш выбор — о кадрах и о старости...

Чистяков приветливо улыбнулся. Некоторых сидящих в большой аудитории эта простая улыбка превратила в маленьких школьников.

— О старости, о старости. Конечности, о старости, — слышалось со всех сторон. И каждый, наверное, подумал: вдруг этот старик возьмет да и раскроет сейчас свой особый секрет удивительной работоспособности и долголетия. Как будто бы Чистяков всю свою жизнь только и делал, что боролся со старостью.

П. И. Чистяков прочитал трактат о старости. В нем прозвучал страстный призыв ученого любить свой народ, науку, отдавать им все силы, знания, сердце. Он говорил о нелегком, но благородном призвании врача, о трудолюбии, о целенаправленном и творческом отношении к делу. Выступление патриарха советской офтальмологии было воспринято присутствующими как откровение.

Очень жаль, что трактат П. И. Чистякова не был застенографирован. Не сохранилось и конспекта (или тезисов) выступления. Но сказанное ученым в какой-то мере можно проиллюстрировать примерами из его замечательной жизни.

ТРАКТАТ О КАДРАХ

Впервые в роли воспитателя П. И. Чистяков выступил в 1888 году, когда после окончания семинарии стал работать в духовном училище. Можно предполагать, что уже тогда проявились его организаторские способности, умение подойти к людям. П. И. Чистяков впоследствии вспоминал о работе в училище: «Мне удалось справиться с вопросами школьной дисциплины. Для этого — взять себя в руки, не волноваться и вида не показывать, что ты взволнован. Повышенный тон, окрики — все это бесполезно, равно и юлительные «разъяснения». В то же время, никакого пристрастия, решение всегда должно быть справедливым...»²¹

Затем несколько лет работы в церковно-приходской школе. И здесь накапливался педагогический опыт.

Миновали студенческие годы.

И снова Чистяков должен был передавать другим свои знания, мысли, умение, опыт. Он преподает на фельдшерских курсах, проводит практические занятия со студентами, читает лекции, с 1917 года руководит Обществом практических врачей...

Заслуженный врач РСФСР С. А. Ашихмин, окончивший Томский университет в 1912 году, пишет: «При воспоминаниях о студенческих годах предо мной всегда встает светлый образ дорогого Павла Ивановича Чистякова... Он был скромным в обращении со студентами. Своей простотой и чисто товарищескими отношениями он с первых же дней завоевал наши симпатии. С каждым недоуменным вопросом мы смело подходили не к профессору или другим сотрудникам кафедры, а именно к нему и всегда получали простые товарищеские ответы и разъяснения. Нередко он, заметив, что студенты в чем-то затрудняются, сам подходил к ним, включался в разговор.

Особенно полезны и интересны были практические занятия по глазным заболеваниям, которыми по воскресеньям руководил Чистяков. Он заранее подбирал больных, усаживал их на стульях, а на спинке стула вывешивал лист бумаги с диагнозом заболевания и характерными признаками. При разногласиях проверяли себя по листку. Павел Иванович переходил от одного больного к другому, помогая студентам разобраться. Кто интересовался глазными болезнями, получал здесь ценные практические навыки в распознавании глазных болезней.

Павел Иванович заинтересовал многих из нас своею специальностью и помог овладеть ею».

Трудно перечислить всех студентов, которые после этих занятий выбрали офтальмологию своей специальностью. Но среди них можно назвать руководителей офтальмологических кафедр, профессоров: М. А. Дмитриева (Красноярск), О. А. Дудинова (Фрунзе), Б. Н. Мелик-Мусьяна (Ереван), И. Н. Курлова (Кишинев), Г. Г. Логинова (Архангельск) и других.

Профессором Пермской глазной клиники Чистяков в 1923 году начинает свой первый учебный год. На 25 коек два ординатора. И на сотни верст вокруг ни одного окулиста. Этот одинокий островок среди безбрежного моря трахомы и слепоты со временем должен стать кузницей глазных кадров, научным, методическим и организационным центром наступления на глазные болезни. Надо было быть оптимистом, чтобы не опустить рук.

Наконец утверждены штаты. Среди первых ординаторов: А. М. Родигина (теперь заслуженный деятель науки профессор Львовского медицинского института), А. А. Суконщикова (профессор Ленинградского медицинского института), В. А. Коркин (заслуженный врач РСФСР), А. Н. Чичканова (профессор Новосибирского медицинского института).

Лаборатории нет, нет реактивов. Да и не до них в это трудное время. Потребность в медикаментах и перевязочном материале в 1924 году в Пермском округе удовлетворена была всего лишь на 29 процентов²². Страна залечивала раны, нанесенные семилетней войной. Но не должна страдать подготовка кадров.

По традиции, которая установилась на некоторых глазных кафедрах, Чистяков предложил ординаторам выяснить масштабы распространения слепоты в крае, причины ее.

Борьба со слепотой, этим социальным злом и величайшей несправедливостью, для окулистов является кровным долгом. Именно на лекции профессора С. С. Головина о слепоте загорелся молодой Филатов идеей пересадки роговицы. Именно тяжелые встречи со слепыми заставляли его каждый раз забывать неудачи и ощупью двигаться вперед. Именно стремление вернуть свет десяткам тысяч слепых заставило В. П. Филатова разработать простую методику операции пересадки роговицы, доступную теперь районным окулистам.

Каждый новый ординатор, который приходил в Пермскую клинику, обязательно обследовал учреждения слепых и с

результатами наблюдений выступал на конференциях и в печати (Ф. А. Азерьер, А. Н. Чичканова, К. М. Панушкина (Карандашева), В. М. Малангин). Дальнейшие темы подсказывала жизнь.

При разработке материала по травматизму выяснилось, что с некоторых заводов чаще стали поступать рабочие с повреждениями глаз. В связи с этим А. М. Родигина обследует условия работы на кислотном заводе, В. А. Коркин осматривает рабочих Сылвенского стекольного завода, Г. Г. Логинов выясняет на заводе «Метил», не влияет ли сухая перегонка дерева на орган зрения. Вскоре по материалам обследования сотрудники клиники написали ряд статей, которые были опубликованы в местной и центральной печати.

Для лучшего ознакомления с трахомой Чистяков предлагает каждому из ординаторов проверить один из многочисленных способов лечения этой длительной болезни. Вместе с практикой накапливался опыт научной работы. Вопросы лечения трахомы освещались в докладах на конференциях и в статьях.

Клиника окрепла. Теперь настало время и молодежи проявить свои организаторские способности, научиться работать самостоятельно. В Перми были созданы глазные отряды. За несколько лет врачи этих отрядов приняли 43 тысячи больных, в среднем по 80 человек в день, сделали 3700 операций. В Кудымкаре и Барде были открыты постоянные глазные отделения. Кроме обследовательской, лечебной и организационной работы, отряды выполняли и научные задания. И этот цикл обучения ординаторов заканчивался конференциями, на которых они делали свои сообщения. Конференции были для молодежи хорошей школой, здесь приобретался опыт, вырабатывались находчивость и привычка оперировать имеющимися знаниями. Когда была создана лаборатория, каждому ординатору стали поручать приготовление и демонстрацию гистологических препаратов.

И вот ординатура позади. Склонные к практике разъезжались по местам работы. Некоторые оставались в клинике. Все молодые врачи, получившие выучку у профессора, ободренные им, готовы были на большие дела. К. М. Панушкина, одна из воспитанниц Чистякова, вспоминает: «Меня чрезвычайно тронула его простота и искренность, когда я встретила Павла Ивановича на вокзале. Он пришел проводить меня, напутствуя на самостоятельную работу. На прощанье он подарил мне свой портрет. Я даже и не предполагала, что

такой сдержанный человек, настоящий ученый, мог отнестись так душевно, по-дружески к простому начинающему врачу».

Воспитанию кадров Павел Иванович отдавал всего себя. Его лекции были богаты содержанием, доступны пониманию, демонстративны. Клинические конференции и семинары, которыми он руководил, проходили на высоком научном уровне. Предложив кому-либо тему для доклада, Чистяков на другой день обязательно приносил указатель литературы и журналы с закладками. Оставалось лишь открыть и читать. От его зоркого взгляда ничего не ускользало. Он узнавал, кто чем занят, у кого какие склонности. «Одна слишком пассивна, другая горяча. Кому из них дать операцию катаракты?» — думал Чистяков, составляя операционный список.

За годы своей работы в Перми Чистяков ознакомил с курсом глазных болезней около десяти тысяч студентов. Более пятисот врачей и фельдшеров прошли у него специализацию.

Если Павел Иванович обнаруживал в человеке наблюдательность и склонность к научной работе, он развивал их. Так, у А. М. Родигиной он отметил хорошее знание микробиологии и дал ей тему по бактериологии глаза. Родигина открыла новый пневмококковый бактериофаг. Работа ее, получившая высокую оценку в отечественной и зарубежной печати, была оформлена в докторскую диссертацию. Теперь Августа Михайловна Родигина, заслуженный деятель науки, руководит кафедрой глазных болезней Львовского медицинского института.

Гавриилу Гавриловичу Логинову Чистяков помог применить в офтальмологии его математические способности. Среди других статей Логинова есть статьи о способах определения местонахождения цистицерка под сетчаткой, об определении залегания инородного тела в глазу, об определении силы призмы в условиях амбулатории. С 1936 по 1959 год профессор Логинов руководил кафедрой глазных болезней, временами заведовал учебной частью Архангельского медицинского института. Он подготовил много специалистов для Крайнего Севера.

Сверхштатным ординатором пришла на кафедру А. Н. Чичканова. В штат она была включена лишь после десяти лет бесплатной работы. Всегда жизнерадостная, с уживчивым характером Агрипина Николаевна была на редкость трудолюбивой. Ее ценил Чистяков. Диссертационные работы Чичкановой имели патогистологический и патофизиологический

уклон. После защиты докторской диссертации на тему о роли аллергии в патогенезе некоторых глазных заболеваний она с 1944 года заведовала кафедрой глазных болезней, была деканом Новосибирского медицинского института.

В 1950 году из клиники вышел четвертый профессор — Иван Федорович Воробьев. Сейчас он заведует кафедрой глазных болезней Саратовского медицинского института.

Особо следует отметить Леонида Ивановича Морозова. Работая помощником старшего врача областной больницы, он был зачислен сверхштатным ординатором, а затем — аспирантом глазной клиники. После аспирантуры два года был деканом медицинского института. Хотя Л. И. Морозов и отрицательно относился к диссертациям и к их защите, он был настоящим ученым, с широким общемедицинским подходом к глазным больным. Он первым ввел в клинике много новых лечебных средств. На него падала большая нагрузка общения с внеклиническим миром. Он выписывал много офтальмологической литературы, формировал клиническую и институтскую библиотеки. Сын рабочего, Л. И. Морозов окончил слесарно-кузнечное отделение ремесленного училища. С юных лет сохранил он тягу к технике, интересовался приборами, искусно мастерил сам, был тонким хирургом. Горячий и резкий, Леонид Иванович иногда не соглашался с Чистяковым, спорил, настаивал на своем. Но он же и очень ценил его. «Где вы найдете еще такого Павла Ивановича? — говорил он. — Такие люди редки».

Кроме четырех докторских, на кафедре было подготовлено и защищено 12 кандидатских диссертаций. Кандидатами медицинских наук стали Г. А. Арзамаскова, Ю. Е. Горячев, В. Н. Ляхова, Е. И. Редкина, А. Я. Рудакова, Р. Н. Сиротюк, А. Е. Твердова, Н. Д. Чепкасова и другие. Темы диссертаций имеют практическое значение, посвящены лечению глазных заболеваний и подсказаны требованиями жизни.

Вот как, например, была найдена тема одной из кандидатских диссертаций. Об этом П. И. Чистяков написал в письме к профессору П. С. Богословскому: «Во время войны 1941—1945 гг. одна диссертационная тема дана была мною своему сотруднику. Тема навязана была следующими обстоятельствами. Летом 1942 г., выезжая поездом от Перми до Лядов, я каждый раз слышал в вагоне песню инвалидов войны. Они пели о том, как их торжественно отправили на фронт с военной музыкой, с огромной массой провожающих. И как теперь картина совсем другая, когда они вернулись с

фронта, — слепые, безрукие, безногие! Песня произвела на меня глубокое впечатление, и я поручил одному из своих сотрудников произвести обследование ослепших инвалидов по области, чтобы выяснить отдаленные результаты ранений. Работа была сделана в качестве кандидатской диссертации...»

Одна из старейших учениц Чистякова, опытный диагност и патогистолог, Екатерина Ивановна Корнеевская рассказывает, как однажды в самом начале своей специализации она пришла в выходной день в глазную клинику и встретила там профессора Чистякова.

«— Пришли посмотреть больных? — Павел Иванович оживился.

Ведь не ответишь ему — нет. Он пригласил в темную комнату нескольких больных с однотипными заболеваниями глаз. О каждом больном он говорил подробно, связывал проявления болезни с изменением в структуре тканей глаза, подчеркивал главное; советовал, с чего начать в практической работе, предсказывал ожидаемые результаты наблюдений; говорил, что еще неясно в этом вопросе и над чем сейчас работают наши и зарубежные ученые.

В тот день я была очень занята, да и у него каждый час на учете. Но когда он кончил объяснять и спросил, найду ли я время зайти в клинику и в следующее воскресенье, я ответила, что, конечно, с большим удовольствием. Так за три месяца первичной специализации я получила не меньше, чем за три года ординатуры».

О доброжелательном, любовном отношении Чистякова к своим питомцам говорит не только Е. И. Корнеевская. Если Павел Иванович обнаруживал в ком-либо интерес к офтальмологии, он развивал его. Под влиянием Чистякова заинтересовался глазными болезнями и его брат Петр Иванович, дермато-венеролог с большим стажем. Заинтересовался настолько, что уже в зрелом возрасте оставил свою специальность и прославился в Иркутске как весьма знающий офтальмолог. Если кто-либо увлекался одной из интересных тем офтальмологии, Чистяков страстно поддерживал это увлечение своими знаниями, отстаивал его перед другими, хотя и слыл человеком сугубо объективным, уравновешенным, неувлекающимся.

В 1955 году на одном из заседаний ученого совета медицинского института научный работник П. демонстрировал предложенные им скобки для наложения на роговичные раны. Считаясь со временем ученых, он не остановился на истории

П. И. Чистяков в лаборатории Пермской глазной клиники
с врачами А. Я. Рудаковой и Р. И. Коза.

вопроса, не привел высказываний авторитетных специалистов. И напрасно. Некоторые члены совета скромность докладчика приняли за ограниченность знаний. Посыпались вопросы, один неприятнее другого. Неизвестно, к чему бы привело дальнейшее обсуждение, если бы не взял слово Чистяков. Обычно он молчал на большинстве заседаний. Но здесь поднялся подчеркнуто спокойный и уверенный, подчеркнуто невозмутимый и как всегда немногословный.

— Тема диссертации, — сказал он, — навеяна впечатлениями Великой Отечественной войны. Постановка доклада сегодня преследует единственную цель — выяснить, где и как помочь диссертанту. П. предложил для шва роговицы особую изобретенную им скобку. Это предложение вполне оправдано, ибо обычный шов роговицы нас не удовлетворяет. К сожалению, к новаторам у нас не всегда относятся правильно. Испытал это и товарищ П. Материала для диссертации достаточно...²³

Неловкое молчание воцарилось в аудитории. От мерных, старчески легких шагов Чистякова, возвращающегося на место, тишина казалась еще более контрастной.

Первыми откликнулись хирурги. Они одобрили тему. Дирекция также подтвердила, что тема актуальна и вопрос лишь в финансировании.

Павел Иванович ревностно следил за успехами своих учеников. Он был рад, что А. М. Родигина в 1937 году первой из девяти претендентов прошла по конкурсу на заведование кафедрой в Ижевском медицинском институте. Он с уважением говорил о В. А. Коркине, который так энергично развернул борьбу с трахомой в Коми-Пермяцком округе... Успех каждого своего воспитанника он расценивал как свой собственный успех.

Ученики П. И. Чистякова всегда тепло вспоминали о Пермской глазной клинике.

«Очень скучаю по клинике, где было так хорошо работать, — писал профессор Г. Г. Логинов учителю. — По отзывам студентов, мы стоим на первом месте среди других клиник. Предлагается остальным клиникам брать пример с глазной. Я, конечно, ничего нового не внес в педагогический процесс, полностью копирую Вас и в этом отношении все похвалы касаются, главным образом, Вас...»

«Много забот и хлопот доставляет мне моя самостоятельная работа. Вот почему я часто вспоминаю с большим удо-

вольствием о своем беззаботном житье в Перми», — писала Павлу Ивановичу А. Н. Чичканова.

Профессор гордился своими учениками.

Но он не был добреньким, всепрощающим, святочным старичком, который не берет на душу грех судить другого.

Невзрачный с виду, этот человек обладал цельным характером, огромной моральной силой. Личным примером, внушением добивался он порядка, образцовой дисциплины.

К. М. Панушкина пишет о нем: «Ежедневно, ровно в 9 часов (можно было по нему проверять часы), профессор начинал перевязки и осмотр больных.

И горе опоздавшему. Профессор осматривал его больных, делал назначения, и глаз завязывали до следующего утра, а ординатор оставался с незаполненными историями болезни в вынужденном безделье и с горьким ощущением своей ненужности. И никаких оправданий, никаких уважительных причин — интересы больного превыше всего».

Нет, лучше не опаздывать, все делать в срок. Не сделал — скажи. Простит. Не прощал только Чистяков лени, лжи, легкомысленного отношения к делу. Заметит в чем — не отругает, не разнесет в своем кабинете. Просто перестанет видеть этого человека, проходит мимо, глядит сквозь, не здороваясь. Не отвечает даже на вопросы по делу. При настойчивой просьбе повернется спиной. Одним словом, игнорирует того, кто пренебрегает правилами взаимоотношений в коллективе. И так ведет себя до тех пор, пока провинившийся не осознает промаха, не исправится.

Отказов не выносил совсем. Как-то одна из ординаторов не поехала в подшефное село Башкултаево для осмотра больных. Профессор молча принял отказ, но затем полгода не включал этого ординатора в операционный список. Уже сотрудники стали заступаться, просить, дескать, это хороший товарищ, врач со стажем и нельзя так жестоко наказывать ее.

— Это вы о ком? Так она же не хочет работать. Она отказывается от работы.

Словом, какие еще тут могут быть разговоры! Но прошло время, и в отношениях профессора к провинившемуся вновь появлялись отзывчивость и доброжелательность.

Более чем полувековой опыт педагогической работы, страстное желание помочь людям, огромная любовь к своему делу — офтальмологии — позволили П. И. Чистякову выработать ясные взгляды на то, как готовить медицинские кадры.

каким должен быть врач. Святой обязанностью каждого ученого он считал подготовку работоспособной, знающей смены, готовой на подвиг во имя науки, жизни.

ТРАКТАТ О СТАРОСТИ

— Дедушка, перевези в город.

Паром только что отчалил и вернется не скоро. Две девушки с надеждой смотрят на старика, который рыбачит с лодки невдалеке от берега. Старик даже не обернулся.

— Слышишь, дедушка, перевези.

— Я не перевозчик. Да еще и клев не кончился. Видите?

— Мы тебе заплатим. Ты не торгуйся, перевези. На экзамен опаздываем.

Чуть помедлив, старик с досадой свернул снасти, поднял якорь и пристал к берегу.

— Куда же вы поступаете?

— На медфак, дедушка.

— Садитесь, только грести сами будете.

Одна гребла, другая читала вслух. На том берегу они пытались всунуть ему несколько медяков.

— Не надо. Со своих брать как-то неудобно, — он развел руками.

Забавный старик.

— Ну, спасибо, дедушка. Как выучимся на врачей, приходи к нам лечиться.

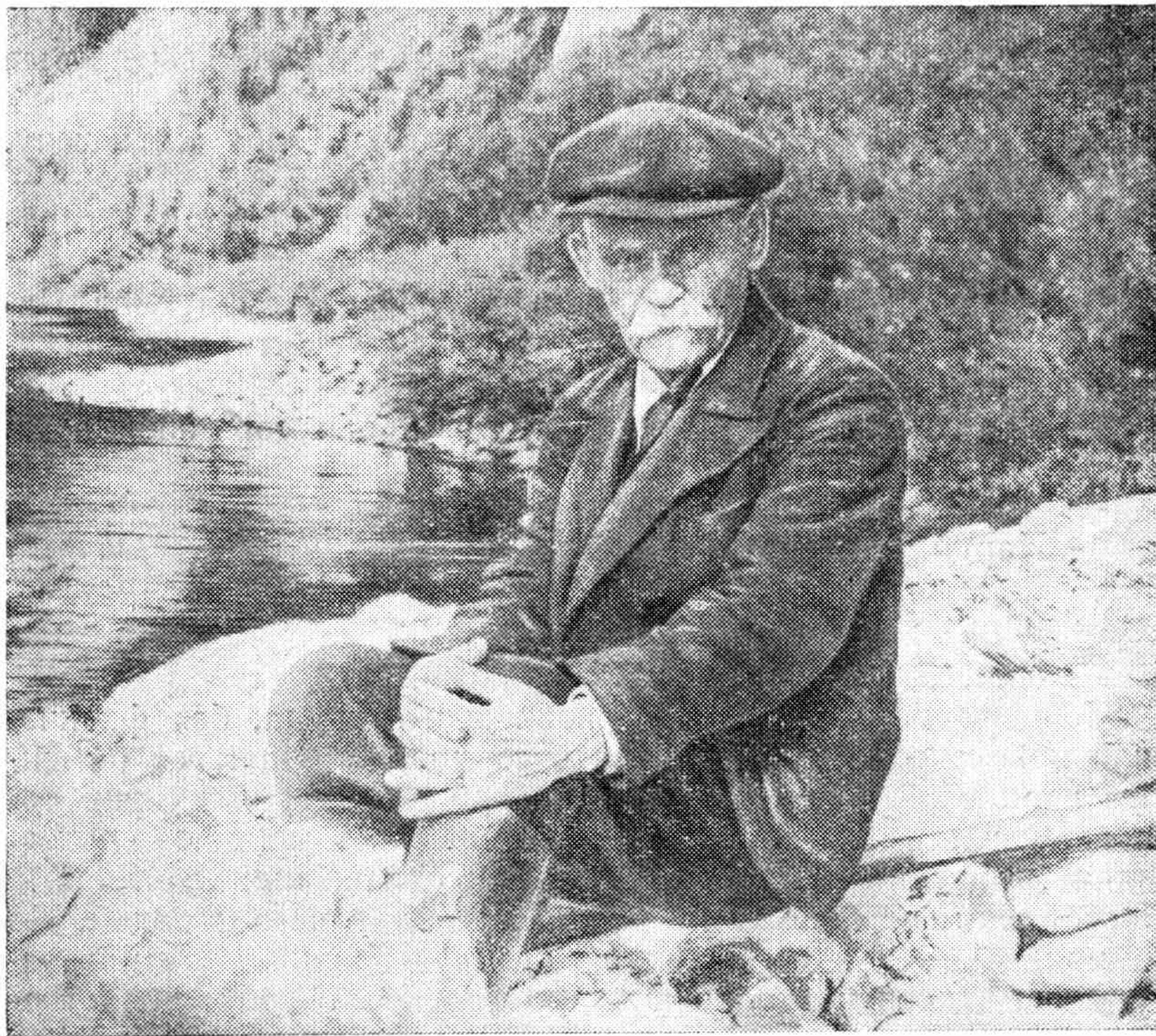
Однако не успели они выучиться — встретились раньше. Только сдали приемные экзамены, пришли в деканат за удостоверениями — смотрят, а за столом декана, профессора Чистякова, тот самый старик сидит. Оробели подруги. Он их тоже узнал, но виду не подал...

П. И. Чистяков любил уральскую природу. Загруженный до предела работой, он находил время и на то, чтобы побывать в лесу, на реке. Профессор В. В. Парин, хорошо знавший Чистякова, вспоминает: «Мне часто приходилось видеть Павла Ивановича летом у Нижней Курьи. Отправляясь рыбачить, он одевался очень скромно, просто. И по его внешнему виду никак нельзя было предположить, что это профессор, руководитель научного учреждения».

Охота, рыбалка на Каме, на Сылве, на Чусовой. С утра до вечера по воскресеньям бродил Чистяков по лесам и болотам или плывал на лодке с дорожкой. Полной грудью вды-

хал он свежий смолистый воздух, подставляя себя ветру, дождю и солнцу. Постоянное общение с природой, закалка благотворно влияли на здоровье. Никаких больничных листов, никаких простудных заболеваний Чистяков не знал.

На берегу Чусовой.

Если же он заболел, то боль переносил мужественно, перемогался, а потом шел к хирургам и показывал, где надо проколоть, разрезать, что надо убрать. Но однажды в 1939 году Чистяков слег. Начался сепсис, заражение крови. Антибиотиков не было, болезнь прогрессировала. Исхудалый и беспомощный, изможденный септической лихорадкой, Чистяков в глазах персонала прочел свой смертный приговор.

В эти дни он получил письмо от своего приятеля профессора А. Ф. Пальмова. «Вы ведь всегда были бодры не только

духом, но и телом. Помните, когда мы соревновались в гребле на Каме во время рыбной ловли, то хотя я в грязь лицом и не ударил, все же вы остались победителем. Да и вообще я всегда — и еще в Томске — знал вас крепышом. Поэтому и теперь вы останетесь таким же, и операция сойдет благополучно».

...Открыв глаза, Чистяков увидел над собой вытянутые лица людей в белых халатах.

— Вы рано меня хоронить собрались. Я еще жить хочу. Еще посмотрим, кто кого.

В полости малого таза был обнаружен огромный гнойник.

— Александр Петрович, оперируйте вы, — обратился Чистяков к А. П. Соколову, ныне профессору доктору медицинских наук.

— Павел Иванович, лучше пусть профессор оперирует. Операция ответственная.

— Вы мой ученик. Я вам доверяю.

— Наркоз опасен.

— А вы без наркоза.

-- Ведь больно.

— Ничего, мы сибиряки, выдержим...

Человек немыслим без физического труда, без физической нагрузки: начинает сдавать сердце, нарушаются обменные процессы. Говорить о долголетию, о сохранении работоспособности и не заниматься физическим трудом — невозможно. Чистякова радовало чувство мышечной усталости. Постоянная физическая нагрузка была для него отрадой. Но он признавал только целенаправленную физическую нагрузку. Если ездить на велосипеде, то только по делу; если гребсти на лодке, то лучше с дорожкой; если стругать рубанком, то не ради стружки. Он хорошо разбирался в породах деревьев, в сортах древесины. В его большой мастерской был полный набор столярных инструментов. В квартире Чистякова книжные шкафы, стеллажи, часть мебели, рамки для фотографий — были сделаны руками хозяина. На всем печать непритязательного вкуса, но вещи сделаны добротно.

Как-то в конце войны в глазную клинику для операции был приглашен профессор-хирург, один из учеников Павла Ивановича. Сказалась, видимо, бессонная ночь, которую он провел на экстренной операции в госпитале. Во время мытья рук, глядя на неказистую деревянную плашку с грубыми, неровно подстриженными щетинками, он взорвался:

— А, черт! Чтоб у них руки отсохли! Инвалиды!

Реплика была, конечно, в адрес артели, которая выпускала такую отвратительную продукцию. Раздосадованный хирург не заметил улыбки, притаившейся в усах Чистякова. Ведь щетки-то делал он, уважаемый учитель, заслуженный деятель науки. Снабжение в войну ухудшилось, не до щеток было. Вот и пришлось делать их самому, хотя времени в обрез.

Он сам стругал планки для диаграмм и таблиц; часто, готовясь к очередной лекции, сам рисовал и таблицы. Правда, лица получались плоскими, с японским разрезом глаз и вызвали вначале невольную усмешку слушателей. Но уж если на таблице обозначался птоз, то верхнее веко было действительно опущено. Бельмо действительно выглядело бельмом. Чистяков ревностно относился к своим рисункам, десятилетиями пользовался ими и заставлял реставрировать.

В напряженные годы работы деканом Павел Иванович пользовался извозчиком. По личным делам ездил на велосипеде. Ездил до 84-летнего возраста, и ездил бы больше, если бы не уличные мальчишки, которые встречали его насмешливыми криками:

— Старик на велосипеде! Старик на велосипеде!

Бывало, на операции, если больной называл его дедушкой, Чистяков шутливо ворчал:

— Его оперируешь, а он еще оскорбляет.

Не любил, когда называли стариком, дедушкой. Поэтому пришлось ходить пешком, и старомодный самокат обосновался на гвозде в прихожей.

Вечно в работе, в движении, Чистяков не выносил домино, карт, безделья, даже вынужденного.

27 декабря 1949 года репортер «Звезды» с восторгом сообщал, что в Перми впервые за двенадцать лет проводится тираж займа. В тиражной комиссии лучшие люди области: Герои Социалистического Труда, лауреаты, заслуженные учителя, заслуженный деятель наук профессор П. И. Чистяков. Проведение тиража снималось кинооператором.

Целый день Чистяков провел в необычной обстановке. Наутро пришел в клинику злой, крутил кончики усов и не смотрел ни на кого. Потом сказал:

— Вот как! В свадебные генералы попал.

Долгие годы в домашних хлопотах Павлу Ивановичу помогала пожилая добрая женщина Елена Михайловна Чередова. Она готовила обеды, стирала. Питание было простое,

но разнообразное. Довольно часто в меню бывали фрукты, мед. Во всем поддерживалась умеренность. Никаких излишеств, никаких вредных привычек.

«Что касается здоровья, — писал Чистяков, — оно зависит от нас самих и дается правильным образом трудовой жизни. В этом отношении прав был мой первый шеф по клинике, когда советовал больным не пить водку, не курить табак и не иметь венерических заболеваний». Чистякову очень близки были слова известного философа Герберта Спенсера, который сказал: «Сохранение здоровья — обязанность. Все нарушения законов здоровья — физические грехи».

Павел Иванович всю свою жизнь прожил холостяком.

Однажды, пригласив в гости сотрудников клиники, он показывал им свои старинные фотографии, открытки. На одной из открыток был изображен волк в зимней степи. Павел Иванович долго смотрел на эту открытку, потом вдруг сказал с грустью:

— Я так же одинок, как этот волк.

В молодые годы Павел Иванович пережил сильную любовь, но что-то помешало ему жениться. Так он и остался один.

Трудно оторвать физический облик от духовного, нравственного. Без высокой духовной культуры, без высокого интеллекта нельзя воспитать в себе терпение, дисциплинированность и привычку постоянно трудиться.

Павел Иванович не терпел людей морально неустойчивых, легкомысленных и относился к ним с нескрываемым презрением.

Последние годы жизни Чистяков отдыхал летом в деревне Переволоке на Чусовой.

Трудно всего в тридцати километрах от большого промышленного города найти более поэтичный и в то же время более глухой уголок. В деревушке несколько домов. Дорога между домами летом зарастает буйной травой. А вокруг — места и виды для любого настроения, для любого душевного состояния. Здесь и теплый солнечный луг и мрачный хвойный лес, с высокой горы спускающийся к воде. Здесь и огромная песчаная отмель и скалистый берег, где даже в самую спокойную погоду слышен тихий, загадочный плеск. Здесь и глубокие, жуткие заводи и подернутая рябью необъятная ширь Чусовой, Сылвы и Камского моря. Отсюда вверх по Чусовой видны знаменитые Белые горы, от которых в час заката не оторвешь глаз.

Сюда в августе 1949 года приехали из Перми сотрудники глазной клиники пригласить Чистякова на 1-ю Всесоюзную конференцию сторонников мира. Нашли его на берегу Чусовой, укрывшимся от дождя под перевернутой лодкой.

В чем секрет здоровья, долголетия и поразительной работоспособности Павла Ивановича Чистякова?

Прежде всего, пожалуй, в ритме. В природе все подчинено определенному ритму: восход и заход, прилив и отлив, лето и зима и т. д. Классический пример ритма — работа сердца, правильное чередование систолы и диастолы, благодаря которому сердце трудится всю жизнь без остановки.

И человеку надо уловить, найти свой ритм: суточный, недельный, годовой. Главное — чередование труда и отдыха. Сон, работа, питание, отдых — в строго определенные часы. Тогда нервная система не истощается, а, наоборот, стимулирует функции организма.

Вставал Чистяков в четыре часа утра, сам заваривал черный кофе, завтракал и садился за письменный стол. Ровно в девять начинал перевязки больных. После второго завтрака уходил к 12 часам на консультацию. В три часа — обед и послеобеденный отдых. Затем снова работа, ужин, прогулка на берег Камы. Спать ложился в девятом часу. Насколько точно поддерживался принятый распорядок, можно судить хотя бы по такому примеру. Каждый вечер перед ужином Чистяков минута в минуту выходил из кабинета в гостиную и прогуливался из угла в угол. Тут уже караулил его кот с заячьей лапкой в зубах. Он клал лапку на дороге и ждал, когда хозяин отбросит ее ногой. Затем ловил лапку и снова клал на прежнее место. Так повторялось изо дня в день в одно и то же время.

Только за несколько лет до смерти Чистяков заметил некоторое ослабление рабочего тонуса. Это его, естественно, встревожило. «Главное — вовремя уйти», — писал он в то время своим сверстникам, своим приятелям, заслуженным ученым. Он не боялся выйти на пенсию. Боялся замкнуться в узком кругу интересов собственной личности, без родного дела, которому отдана вся жизнь. Если и уйти на пенсию, дать дорогу молодым, то обязательно остаться консультантом, пусть внештатным, бесплатным.

Друзья морально поддерживали Павла Ивановича. Так, профессор Б. в одном из писем к нему привел ряд примеров того, как повлиял уход с работы на некоторых их общих знакомых. Один начал постоянно болеть и все разговоры сводил

только к своим болезням. Другой пристрастился к вину и опустился. Третий обедал в ресторане, варил кофе на керосинке и целыми днями читал романы, приключения, «до сказок еще не дошел».

«Людям, привыкшим всю жизнь работать, без работы оставаться невозможно», — писал Чистякову профессор А. С. Савваитов.

Эту мысль, подкрепленную десятками примеров из жизни долгожителей, Чистяков красной нитью провел через весь «Трактат о старости», который он зачитал на юбилейном торжестве.

На 92-м году жизни Павел Иванович еще читал лекции и оперировал на глазном яблоке.

БОЛЬНОЙ НЕ ДОЛЖЕН ЖДАТЬ...

Собравшись домой, ассистент глазной клиники Е. И. Редкина услышала на крыльце разговор. Упоминалось имя Чистякова.

— Видишь, старуха, день удачный вышел. К самому Чистякову попал. Поговорили мы с Павлом Ивановичем, глаз ему свой показал, — в голосе старика не только радость удачи, но и вздох облегчения: большое дело сделано. — А теперь можно и на рынок...

И оба они, разодетые, умиротворенные, степенно направились к воротам. Он впереди, она чуть поодаль.

И не один седобородый старец, минуя ассистентов и дежурных врачей, стремился попасть к «самому». Влекло их одинаковое с ними происхождение профессора, почтенный возраст, такая же скромная одежда и простая манера разговора, его умение выслушать, ответить молчаливым участием, деловым советом или непритязательной шуткой. Они шли к Чистякову, как к своему родственнику, как к своему полномочному представителю в науке. Их признание и доверие ценил Чистяков и платил им тем же.

Заметив в коридоре клиники незнакомого человека, он подходил к нему и узнавал, в чем дело. Если это был больной, Павел Иванович обращался к дежурному или любому врачу: — «Там больной ждет». Больной не должен ждать — это стало традицией клиники. И стоило лишь дежурному замешкаться, как профессор сам начинал осматривать больного, подбирать ему очки.

Сотрудники знали, как загружен Чистяков, и старались сами принять тех больных, для осмотра которых не требовались ни опыт, ни знания профессора. Сотрудники буквально защищали его от посетителей. Когда Павел Иванович покорно шел за каждым позвавшим его больным, особенно сильно возмущался Л. И. Морозов. Только он, прямой и горячий, мог сказать профессору:

— Павел Иванович, ваше дело наука и кадры. Если мы сами не справимся, то попросим вас посмотреть больного. Но смотреть каждого, кто только сам пожелает, извините, не ваше дело.

— Что сделаешь, человек просит, — оправдывался Чистяков.

Что-то было в нем от народников 60-х годов. Те стремились слиться с народом, работать наравне с ним и до одного уровня с ним ограничить свои материальные потребности. Чистяков зарабатывал немало денег, но не строил себе дач, отказался от легковой машины и прочих удобств.

Он очень скромно одевался и берег вещи. Одним словом, на себя он расходовал не больше, чем расходует любой рабочий или служащий с небольшим заработком.

В то время как некоторые светила медицины за одну лишь консультацию брали с больных сумму, зачастую превышавшую размер месячной пенсии, Павел Иванович всех обращающихся к нему принимал бесплатно. При этом обязательно расспросит, откуда приезжий, имеет ли в городе квартиру, есть ли возможность подождать несколько дней.

Широкая доступность обеспечила ему прочный авторитет. В свою очередь, эта дополнительная нагрузка не была ему обузой. Она радовала его. Павел Иванович не раз говорил:

— Раньше трудно было попасть на прием даже к простому врачу. И если сейчас крестьянина смотрит профессор, то пусть крестьянин знает, что ему эту возможность дала Советская власть.

Как истинный патриот, П. И. Чистяков гордился успехами советского здравоохранения.

В 1926 году, готовясь к 10-летнему юбилею Пермского университета, Павел Иванович обнаружил один документ, рассказывающий о торжествах открытия университета. Оказывается, на эти торжества, чтобы оградить приглашенную «порядочную» публику от наплыва непрошенных гостей — рабочих, отцами города был выделен... полицейский наряд. Чистяков этот факт использовал в своей заметке «Полицей-

ского наряда нет», которая была опубликована в номере «Звезды», посвященном десятилетию университета. Заметка заканчивалась словами: «...И знаю: на сегодняшнем торжестве будет заключен союз между классом, создающим все ценности, кующим освобождение человека, и между творцами и созидателями науки для того, чтобы поднять науку и научную мысль на такую высоту, на которой она никогда не стояла. Созидатели и строители нового общества и будущие продолжатели их дела пришли. Полицейский кордон, охранявший науку, сломлен». Скромный и сдержанный в чувствах, Чистяков поставил под заметкой лишь свои инициалы.

Старшая сестра глазной клиники Анна Фотеевна Саначева, начавшая работать здесь санитаркой, вспоминает: «Павел Иванович очень уважал Владимира Ильича Ленина и Надежду Константиновну Крупскую.

В один из ленинских дней Л. И. Морозов провел беседу. Уже собирались расходиться. Профессор взглядом попросил всех остаться. Потом рассказал: «Владимир Ильич жил у нас в соседях. В Шушенском я бывал проездом на Саяны. Знаком с Петровой, хозяйкой дома, где квартировал В. И. Ленин. Однажды останавливался в этом доме, видел в усадьбе у речки шалаш, в котором любил читать Владимир Ильич».

Трудящиеся Перми трижды избирали Павла Ивановича Чистякова депутатом городского Совета. Он работал в оздоровительной комиссии — разбирал жалобы трудящихся, ходатайствовал о предоставлении квартир, об устройстве детей в ясли и т. д. П. И. Чистяков и к выполнению своих общественных обязанностей относился со всей серьезностью, с душой.

В 1948 году П. И. Чистяков, как старейший из депутатов, открывал первую сессию вновь избранного состава городского Совета депутатов трудящихся. В своем вступительном слове он сказал:

— Нет ничего выше для народных избранников, как верное служение своей Родине, своему народу. Депутаты — верные слуги народа, должны оправдать оказанное им доверие, полностью осуществить наказы своих избирателей.

В августе 1949 года ученые Перми избрали П. И. Чистякова делегатом на 1-ю Всесоюзную конференцию сторонников мира. Единодушное, непреклонное стремление советского народа к миру произвело на Павла Ивановича огромное впе-

чатление. Вернувшись из Москвы, он с рассказом о конференции выступает в печати, по радио, на собраниях.

— Как врачу и научному работнику, повседневно ведущему борьбу за жизнь и здоровье людей, — заявил Чистяков на одном из митингов, — война (за исключением войны освободительной) — мне противна и не может быть ничем оправдана!

Как врачу и научному работнику,
в ~~теории~~ ^{повседневной} ~~практике~~ ^{полноте} ~~полноте~~ ^{полноте} ведущему
Борьбу за жизнь и здоровье людей,
Война (за исключением войны освобо-
дительной) — мне противна и не может
быть ничем оправдана!
И хочется верить, что настоящее
массовое движение за мир просят
людей, вся эта огромная неисчислимая
жертва, какая трагедия на борьбу
против войны, не оправдана без побед-
ствий! Будет
Да здравствует мир во всем мире!
Да здравствует наша ^{совокупная} ~~народная~~ ^{родная} ~~родная~~
борющаяся за мир!
12/14 П. С.

Страница конспекта одного из выступлений П. И. Чистякова на митинге в защиту мира.

Несмотря на свои девяносто лет, Павел Иванович был полон энергии, полон веры в будущее. Казалось, износа не будет железному организму этого человека. Размеренный жизненный ритм сохранял здоровье, интеллект и почти прежнюю работоспособность. И он прожил бы еще немало лет, если бы не туберкулез, губительный для стариков. Каждую весну заболевание обострялось. Но каждый раз привычка

жить побеждала, и профессор возвращался в свою клинику. Летом 1959 года он уже не вставал с постели. Обессиленный, бескровный, лежал он дома, спокойно дожидаясь известного конца.

Павла Ивановича ежедневно навещали сотрудники, ученики. Однажды решила проведать его и Тамара Дмитриевна Васильева, заведующая глазным отделением второй городской клинической больницы.

Дверь открыла Елена Михайловна. В комнатах неуютно, сумрачно. Сиротливо прячутся на полках книги. Чувствуется, что хозяину сейчас не до них.

— Проходите, присаживайтесь, — Чистяков попытался улыбнуться. — Как ваше здоровье?

— Спасибо, Павел Иванович. Вот вы быстрее выздоравливайте, возвращайтесь в клинику.

— Не уговаривайте. Больше мне не подняться. На этот раз уже все...

Павел Иванович говорил спокойно, твердо. Тамара Дмитриевна поняла, что никакие утешения ему не нужны. Лишь об одном жалел Павел Иванович — о том, что не может сейчас работать по-настоящему.

— Не могу бездельничать, — сказал он. — И еще вот что. Письма иногда получаю. Некоторых волнует, кому я деньги отдам. Просят им выделить — ведь все равно де они пропадут... Только пусть о деньгах не беспокоятся: откуда они пришли, туда и уйдут.

Поговорили о работе, вспомнили старое. Казалось, все было, как всегда. Павел Иванович и на этот раз был самим собой: жизнелюбивым, до предела прямым, принципиальным, неукротимо преданным своим идеалам. Он до конца оставался бойцом.

Наконец, наступил он, последний день...

Все реже светлые промежутки... Павел Иванович в забытьи пытается встать, ищет аргентинский офтальмологический журнал, вспоминает о каком-то запросе из методического отдела министерства... Изнуренный длительной лихорадкой, мозг бредил. В неровном дыхании угасал прерывистый, слабеющий шепот:

— Испробуйте все: фотоэлементы, радио, электротехнику... Мы в большом долгу перед слепыми... Почему не помещают в «Звезде» заметку о глазном травматизме? Напечатайте ее... Человек должен видеть... В наше время не должно быть слепых...

Уже сомкнулись веки. Лишь рука, которая сделала людям столько доброго, все еще выводила на одеяле волнистые строчки. Но вот и она замерла, неестественно вытянулась и упала, чтобы больше никогда не подняться.

Это случилось 20 сентября 1959 года.

Ровно через шесть месяцев был распечатан пакет с завещанием. У Чистякова были родственники: племянница, племянник Сергей Петрович Чистяков — директор научно-исследовательского института. Все люди здоровые, работоспособные, энергичные. Оставить деньги им — Чистякову казалось нелепым. Из пятисот тысяч рублей своих трудовых сбережений четыреста тысяч он завещал на строительство глазной лечебницы. Остальные деньги — на оборудование глазной клиники, на издание трудов молодых научных работников и на пособия престарелым сотрудникам глазной клиники. Особо в завещании Павел Иванович выделил свою верную домоправительницу Елену Михайловну Чередову — ей он завещал сорок тысяч рублей.

8 июля 1960 года было подписано постановление Совета Министров РСФСР о присвоении глазной клинике Пермского медицинского института имени профессора Павла Ивановича Чистякова.

Лифт поднимает нас на четвертый этаж недавно надстроенного здания областной клинической больницы. Здесь находится теперь глазная клиника имени П. И. Чистякова. Мечта профессора наконец сбылась. Медицинский персонал клиники и больные получили хороший подарок от государства.

В клинике много света. Широкий коридор. Небольшие уютные палаты. Много подсобных помещений. Отдельные комнаты для врачей, для занятий со студентами. Огромная операционная, сверкающая кафелем стен.

Кабинет профессора. Доктор медицинских наук И. Г. Ершкович восхищен богатством библиотеки, которую завещал Павел Иванович глазной клинике. В клинике работают сейчас ученики Павла Ивановича: доцент А. Е. Твердова, ассистенты Е. И. Редкина и Ю. Е. Горячев, кандидаты медицинских наук В. Н. Ляхова, А. Я. Рудакова, Н. Д. Чепкасова. Клиника следует старым традициям. В тематике научных работ по-прежнему основным является лечебно-профилактическое направление.

В Пермской области теперь трахома как массовое заболевание ликвидирована. Все силы нацеливаются на борьбу с глазным травматизмом и глаукомой — основными причинами слепоты.

Сейчас в Пермской области не пять окулистов, как было в 1923 году, а 115. В их распоряжении не 25 коек, а более 400. И нет сомнения, что эта организованная армия глазных врачей при поддержке других медицинских работников и общественности со временем справится и с глаукомой. Многие тысячи людей получают возможность быть не только свидетелями, но и активными строителями коммунистического общества.

ЖИВОЙ С ЖИВЫМИ...

Однажды Павел Иванович проходил по коридору мимо стола, за которым сидели врачи.

— Нехорошо, вот, сидите здесь... беседуете, — выговорил он.

— Павел Иванович, нам негде больше. Мы заполняем истории болезни и советуемся.

— Я не против разговоров, — усмехнулся он. — Другое плохо — весь день вы на глазах у больного. Больной видит, что вы такие же люди, как и он сам.

Чистяков оглядел сидящих и добавил:

— Лучше, когда вокруг врача ореол загадочности, таинственности.

Бросил эти слова и ушел, оставив своих товарищей по работе в недоумении.

В самом деле, каким должен быть врач? Может, действительно, необходимы загадочность и таинственность? Или, наоборот, с больным надо быть до конца откровенным? Что лучше? Как подойти к больному, как завоевать его расположение и доверие?

Все это не праздные вопросы. Очень часто оттого, какой контакт установлен между врачом и больным, зависит успех лечения. И, прежде всего, сам врач должен находить взаимопонимание с больным. А это дело очень нелегкое.

Больные бывают разные. Одни из них мнительны и беспокойны, другие равнодушны к своему здоровью; одни раздражительны и эгоистичны, другие благодарны до навязчивости; одни норовят обманом обеспечить себя за счет обще-

Скульптурный портрет П. И. Чистякова, выполненный скульптором А. Уральским. Эскиз.

ства, другие не мыслят жизни без любимой работы... И каждый день все новые и новые люди.

Врачу нужно быть человеком большой души, иметь большое гражданское мужество, чтобы не растеряться перед трудностями и постоянно видеть перед собой не больного вообще, а живого, конкретного больного, со всеми его слабостями, капризами. На это способны только те, кто имеет призвание врача. Именно таким врачом был Павел Иванович Чистяков, человек, по словам В. Н. Архангельского, «удивительной чистоты и благородства».

Идеал врача, целителя недугов, народ создавал на протяжении тысячелетий. К врачу всегда предъявлялись самые высокие требования. Вспомним Гиппократ, отца медицины, высказывания древних индусов, китайцев, арабов, представителей нового времени. Все они в один голос поворят о благородном, но многотрудном призвании врача. Так, например, в древнейшей медицинской рукописи индусов «Аюрведе» врач характеризуется так: он «здоров, опрятен, скромн, терпелив. Речь его тиха, приятна и поощряюща. Он обладает чистым, сострадательным сердцем, строго правдивым характером, спокойным темпераментом, отличается величайшей умеренностью и целомудрием, постоянным стремлением делать добро»²⁴. Эти слова полностью подходят к П. И. Чистякову.

Как солдат на посту, вечно собранный, сосредоточенный, вечно готовый прийти на помощь, он в один и тот же час ежедневно появлялся в клинике. «Иной раз совсем замирает, а все плетется на работу», — восхищаясь в душе, корил его Л. И. Морозов. И в этом тоже призвание врача: не показывать своей временной слабости, не унывать при неудачах и не зазнаваться при успехах. Мужество и выдержка врача исцеляют больного от сомнений и малодушия.

Вежливый и доброжелательный, Павел Иванович по-деловому, без пышности обходил больных по палатам. А ведь еще случается, иные генералы от медицины превращают свои обходы в строевой смотр. Шеф входит в палату в сопровождении блестящей, почтительной свиты. При студентах и врачах он мимоходом может небрежно отозваться об авторе одного из руководств, при больных он отвергает схему лечения, предложенную врачом. Трепещут все. И, случается, больной, ослепленный величием важного светила, робеет высказать все свои жалобы, которые он обдумывал тревожную ночь перед обходом.

Павел Иванович, наоборот, придавал беседе с больным интимный, душевный характер. Но свои дружеские отношения он выдвигал не надолго, ровно настолько, чтобы больной раскрылся, стал понятным, укрепился в своем доверии к врачу. Молчаливость и сдержанность профессора не давала больным повода к панибратству, проявлению капризов.

Большинство больных необычайно высоко ценили Чистякова, слушались его и были рады его вниманию. Однако были и такие больные, которых разочаровывал внешний облик профессора, отсутствие показного величия. Мягкость и редкий душевный такт они считали слабыхарактерностью, а скромность объясняли неуверенностью в знаниях. Было и так. Иногда на осмотре перед операцией из группы терпеливо ждущих своей участи больных вдруг выделялся один и начинал предъявлять необоснованные претензии, ссылаясь на столичные клиники. Своим поведением он смущал окружающих. Однако спокойствие сохранялось. Павел Иванович, не останавливаясь, проходил мимо «правдоискателя». И когда внимание всех уже прочно приковывалось к следующему больному, как бы вспомнив о предыдущем, Чистяков отрывисто приказывал: «Выписать!» Оставленный без внимания, больной сникал, терялся. А резкий, не терпящий возражений тон профессора ставил все на свои места. Начинались извинения. Разумеется, больной оставался в клинике.

Относись к любому больному так, как если бы ты сам был этим больным. В этом — залог успеха, в этом — вся врачебная этика. Будь то разбивший свои очки близорукий академик или слепая неграмотная крестьянка, Чистяков относился ко всем с одинаковой ответственностью, одинаково сердечно. И никакого заискивания перед пациентами.

Но при одинаковом отношении к больным Павел Иванович подходил к ним без шаблона. Каждому — свое. Особенно ярко это проявлялось в операционные дни.

За дверью операционной давящая тишина. Воздух упруг от растворенной в нем нервной энергии. Под парализующим огнем светильника больной скован в ожидании самого ужасного. Один неверный жест, один только вид инструмента и больной, малодушный человек, — стоит ему лишь резко дернуть голову или сжать веки — может навсегда лишиться зрения.

И вдруг в неприкосновенной тишине глуховатый голос профессора:

— В тот год, когда меня исключили из университета, я нанялся рабочим в плотницкую артель... Я был вместе с товарищем. Его звали Георгием, Гошей... Хороший товарищ, веселый человек...

Профессор говорит как бы нехотя, с расстановкой, ни к кому не обращаясь; лишь время от времени отводит в сторону руку, в которую Анна Фотеевна безошибочно вкладывает нужный инструмент. — «К чему Гоша, к чему артель, когда операция такая серьезная?» — думает новичок о причудах профессора, позволившего себе разговор в операционной.

— Артель была большая. Стирала и готовила еду для нас женщины... Захотелось Гоше послушать женские разговоры. Вот притворился он глухонемым... Каждый раз, когда мы на обед приходили, Гоша добавку просил, чтобы с женщинами остаться... Чего только он не услышал... Женщины, известное дело...

«Раз профессор шутит, значит он уверен в исходе операции», — думают присутствующие. Их спокойствие передалось больному. Он перестал дрожать, задышал ровнее, глубже...

Десятки тысяч больных, десятки тысяч операций, тысячи судеб и столько же благодарностей. И странно было видеть, как этот человек сторонился всякого проявления благодарности. На излияния признательности и преданные взгляды он отвечал сухим кивком и отворачивался, а от льстивой похвалы непритворно морщился и сразу скрывался за высокой дверью своего кабинета.

Кстати, несколько слов о рабочем кабинете Павла Ивановича.

От обилия различных вещей, нужных и уже не нужных, но добытых когда-то с большим трудом и принесших в свое время несомненную пользу, кабинет профессора походил скорее на кладовую. Тем не менее и начинающий врач и опытный доцент одинаково чувствовали себя здесь первоклассниками. Все в этом кабинете говорило о широком диапазоне интересов хозяина, об огромном объеме работы, которую трудно учесть. И если только что мы видели в профессоре мудрого врача, опытнейшего хирурга и замечательного диагноста, то в стенах своего кабинета он был виден как эрудированный ученый.

П. И. Чистяков хорошо разбирался во многих отраслях медицины, биологии и других наук. Суждения его отличались немногословием, исчерпывающей глубиной, конкретно-

П. И. Чистяков в своем рабочем кабинете.

стью содержания. И хотя в анкете изучаемой им сопредельной дисциплиной он назвал лишь хирургию, ему выпала честь открывать первую Павловскую сессию в Пермском медицинском институте. А только встав на ноги после тяжелой болезни, уже на 92-м году жизни, он отправился в книжный магазин и спрашивал там новое руководство по патологической физиологии. Он выписывал для себя журналы по всем основным медицинским специальностям. Накоплению знаний и применению их в своей деятельности способствовали не только постоянная работа с научной литературой, но также и близкое деловое знакомство и обширная переписка с представителями многих специальностей медицины.

В домашней библиотеке Чистякова труды Пирогова, Мечникова, Тимирязева, Сеченова, Павлова, Ухтомского, Кравкова. В книгах закладки и многочисленные пометки. Некоторые книги с дарственными надписями от видных физиологов, фармакологов, хирургов, невропатологов, в том числе и от известных офтальмологов: Архангельского, Румянцевой, Савваитова, Тихомирова, Курлова, Одинцова, Чирковского, Покровского, Сергиевского, Мурзина и других.

Всех поражала способность Павла Ивановича легко ориентироваться в специальной глазной литературе, отечественной и зарубежной, и быстро находить по тому или другому вопросу исчерпывающий материал. Интересен такой факт. В своей рецензии на обзор офтальмологической литературы за 1955 год Чистяков подметил, что в этом обзоре пропущено несколько ценных источников. А ведь обзор составляла группа авторов.

Привлеченный к участию в составлении пятого тома «Руководства по глазным болезням», Павел Иванович первым прислал в редакцию свою рукопись «Операции на радужной оболочке». Но когда в печати появилось сообщение о методе электродиагермокоагуляции новообразований радужной оболочки, Чистяков быстро дополнил рукопись описанием этого интересного метода.

Незадолго до смерти Павел Иванович по своей инициативе прислал в редакцию «Вестника офтальмологии» обзор зарубежной литературы по поводу предложения пересадки искусственной линзы в переднюю камеру после операции удаления катаракты. Говоря об этом обзоре, В. Н. Архангельский пишет, что Павел Иванович «с темпераментом и эрудицией советского ученого, с позиции основ медицины — биологии и физиологии — принципиально протестует против

положительного одностороннего освещения этой операции и указывает на ряд отрицательных ее сторон»²⁵.

Клиницисты уважали П. И. Чистякова, как одного из лучших диагностов в стране и как искусного оператора. Но он также снискал уважение и работников теоретических кафедр, особенно своими систематическими выступлениями на конференциях с обзорами новых теорий медицины, новых методов и средств лечения, с большими обзорами офтальмологической литературы. Не случайно профессор Чистяков был избран почетным председателем Пермского научно-медицинского общества.

Чистяков глубоко интересовался не только своей специальностью, не только медициной вообще и близкими к ней науками. Ему не чужды были искусство, литература.

«Чем шире горизонт врача, тем лучше для больного», — писал Эрвин Лик. Ему вторил другой ученый, Летаменди: «Врач, знающий только медицину, не знает даже и медицины». Эти взгляды полностью разделял и Павел Иванович Чистяков.

Он хорошо знал русскую литературу. Как никто из молодежи, следил он за иностранной литературой, не только специальной, но и художественной. Больше всех произведений Чистяков, пожалуй, любил «Фауста» Гете. Перечитывал он его неоднократно, каждый раз находя новое, каждый раз подчеркивал интересные мысли. Читать и писать Павел Иванович умел на нескольких языках: немецком, английском, французском, латинском. Он переписывался с учеными Германии, Англии, Франции, Индии и других стран.

В 1932 году на конференции общества офтальмологов Чистяков внес предложение каждому врачу изучить какой-нибудь иностранный язык.

Профессор П. С. Богословский, работавший с Чистяковым в Пермском университете, пишет: «Меня привлекала в личности Павла Ивановича широта его интересов. Он бывал на научных докладах нашего историко-филологического факультета... Мы часто устраивали концерты с докладами. Павел Иванович на них бывал и всегда просил меня информировать его о концертах кружка. В личных беседах П. И. проявлял хорошее знание и понимание русской литературы, часто говорил об А. П. Чехове, В. В. Вересаеве и других писателях-врачах..., неоднократно расспрашивал меня о Гаспре, Л. Толстом и Елпатьевском. Частенько П. И. дружески уточнял в беседах со мной факты, указывая на некоторые

случаи неправильного произношения и ударения, замеченные им в языке студентов, просил поднять вопрос о борьбе за чистоту русского языка в студенческой среде. Когда он узнал, что в «Уральском учителе» напечатана статья на эту тему, обрадовался и благодарил.

При своей удивительной скромности, Павел Иванович был глубоко содержательным человеком. Он любил театр, музыку, бывал на концертах в Доме ученых. Около проф. А. А. Хребтова, большого любителя музыки, бывали артисты оперного театра. Я часто видел в этом окружении и П. И. Чистякова. Его можно назвать человеком многогранных научно-культурных интересов. Он любил и народное творчество. Говорили мы с ним о русских композиторах, которые знали, любили и творчески использовали русские народные песни. П. И. вспоминал свои юношеские годы, пребывание в семинарии, где он учился и где молодежь часто в долгие зимние вечера распевала русские народные песни. Он был русский человек и любил все русское, народное».

Чистяков нередко сталкивался с ошибками врачей. Доброжелательный и тактичный, он исправлял чужие ошибки деликатно, совершенно незаметно для больного:

— Не помогло, говорите... Так бывает. А сейчас мы назначим вам еще одно лекарство...

«Я видел не раз, — пишет И. Л. Вахнин, главный окулист Коми АССР, — как во время операции некоторые молодые ординаторы теряли инициативу от волнения и делали совсем не то. Павел Иванович незаметно для окружающих и даже для самого оперирующего в нужный момент брал инструменты и кончал операции сам».

Не скрывал он своего презрительного отношения лишь к тем, кто занимается саморекламой и поборами с больных.

Он считал, что если отношения между врачом и больным построены на материальном расчете, то здесь не может быть и речи о любви к больному.

Всегда и всюду для своих товарищей по работе Павел Иванович был добрым наставником. Он всегда готов был передать свой опыт другим, предостеречь от возможных ошибок. Куда бы ни ехал его ученик — в ближайшую деревню для осмотра больных или в столицу на совещание — Павел Иванович в дружеской беседе, а при прощании он допускал проявление дружеских чувств, мягко советовал, с кем и о чем надо побеседовать, как вести себя, на что обратить внимание, что надо сделать.

В 1935 году, выступая в студенческом научном кружке с докладом о жизни и деятельности замечательного офтальмолога Е. П. Серебренниковой, Чистяков привел высказывание историка отечественной медицины Г. Г. Скориченко-Амбодика о работе врача: «Миру сереньких людей с его мелкими радостями и печальми посвящена работа врача. Сходит со сцены этот серенький люд и о нем все позабыли, точно его на свете не бывало. Вспомнит ли кто-нибудь о человеке, который посвятил свою жизнь облегчению сереньких скорбей, кто все силы своего ума употребил на то, чтобы излечить или облегчить страдания... От такой деятельности не остается вечного памятника»²⁶.

К сожалению, в прошлом так это и было. Редко-редко деятельность врача в то время получала необходимое признание.

Теперь положение в корне изменилось. Мы живем сейчас в обществе строителей коммунизма, где нужен труд каждого гражданина, кем бы он ни был. Поэтому так ценится в нашей стране труд врача, благородный труд человека, борющегося за здоровье, за жизнь.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Отчет особого отдела по предупреждению слепоты за 1904 год. Спб., 1905, стр. 6.
2. Там же, стр. 11.
3. А. С. Чемолосов. Итоги заведования 10 глазными отрядами... «Вестник офтальмологии», 1913, № 2, стр. 167.
4. В. И. Спасский. Мой опыт хирургического лечения трахомы. Уфа, 1940.
5. И. И. Казас. К патологии метил-алкогольного амавроза. «Вестник офтальмологии», 1913, № 1.
6. Сборник работ, посвященных 70-летию клиники глазных болезней. Томск, 1961, стр. 4.
7. К. Н. Черепнин. Отчет торжественного (юбилейного) заседания «Общества практических врачей». В кн. «Сибирский архив теоретической и клинической медицины», т. 3, кн. 5, Томск, 1928.
8. Доклад Пермского Губздравотдела... 1923 год. Государственный архив Пермской области (ГАПО), ф. 15, оп. доп., д. 33.
9. ГАПО, ф. 180, оп. 10, д. 74.
10. Там же, д. 44.
11. Там же, д. 74.
- 12—13. Там же, л. 7.
14. П. И. Чистяков. Медицинский факультет ПГУ (1916—1930). Рукопись.
15. ГАПО, ф. 180, оп. 1, д. 88, л. 9.
16. Там же, л. 43.
17. «Звезда», 1926, № 236.
18. П. И. Чистяков. Медицинский факультет ПГУ (1916—1930). Рукопись.
19. «Звезда», 1926, № 236.
20. «Звезда», 1926, № 222.
21. П. И. Чистяков. Страничка из моей жизни. Рукопись.
22. Ответ А. Л. Борчанинова на статью «Болезни больниц». «Звезда», 1924, № 295.
23. Протоколы заседаний ученого совета Пермского медицинского института. 1955, стр. 206.
24. Цит. по кн. С. В. Лобанова «О врачах и медицине». Томск, 1914.
25. Сборник научно-практических работ по офтальмологии, посвященный памяти... Павла Ивановича Чистякова. Пермь, 1962, стр. 11.
26. Цит. по кн. С. В. Лобанова «О врачах и медицине», Томск, 1914.

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

ТРУДЫ П. И. ЧИСТЯКОВА

ОПУБЛИКОВАННЫЕ

К вопросу о регистрации трахомы в Томске. «Сибирские врачебные ведомости», 1903, № 15.

Краткое сообщение о занятиях в С.-Петербургской глазной клинике. «Сибирские врачебные ведомости», 1904.

К казуистике позадиглазничных воспалений зрительного нерва. «Сибирские врачебные ведомости», 1905, № 3.

Древесный спирт как причина слепоты. «Сибирские врачебные ведомости», 1905, № 12.

Первичная опухоль зрительного нерва. «Вестник офтальмологии», 1905, № 2.

Из казуистики офтальмологической клиники Томского университета за 1905—1906 гг. «Сибирские врачебные ведомости», 1906, № 11—12.

Случай эхинококка орбиты. «Вестник офтальмологии», 1906, № 5.

Из казуистики офтальмологической клиники Томского университета за 1906—1907 учебный год. «Вестник офтальмологии», 1907, № 6.

Случай продолжительного пребывания инородного тела под конъюнктивной века. «Сибирские врачебные ведомости», 1907, № 5.

Отчет о деятельности глазных огрядов в Мамадышском уезде в 1905, 1906 и 1907 гг. «Вестник офтальмологии», 1908, т. 25, март — апрель.

К вопросу об отравлении метиловым алкоголем. «Сибирская врачебная газета», 1908, № 4.

О хирургическом лечении трахомы (предварительное сообщение). «Русский врач», 1908, № 18.

О хирургическом лечении трахомы. Томск, 1909, 158 стр.

К патологической анатомии весеннего катара. «Вестник офтальмологии», 1909, № 3.

К вопросу о лечении трахомы йодноватой кислотой. «Практический врач», 1909, № 30.

К казуистике опухолей глазного яблока. «Сибирская врачебная газета», 1909, № 23.

Состояние внутриглазного давления при старческой катаракте и в афакическом глазу. Томск, 1909, 13 стр.

Материалы о распространении глазных болезней в Сибири. Томск, 1910, 21 стр. (Совместно с С. В. Лобановым).

Киндербальзам как причина амблиопии и слепоты. «Русский врач», 1910, № 6.

Zur Frage der Pathogen. des Diplobacillus Morax — Axenfeld für das Augeninnere. «Klinische Monatsbl. für Augenheilkunde», 1911.

К вопросу о теноновой капсуле и тенонитах. «Вестник офтальмологии», 1911, т. 28, июнь.

Отчет о заграничной командировке. Томск, 1911, 9 стр.

Два случая слепоты от древесного спирта. «Вестник офтальмологии», 1912, № 2.

Повреждения глаз по данным Томской глазной клиники (1907 — 11 гг.). «Вестник офтальмологии», 1912, № 5.

К вопросу о бактериологии конъюнктивального мешка новорожденных. «Вестник офтальмологии», 1913, № 9.

Отчеты о состоянии специальной глазной помощи в Томске за 1911, 1912, 1913 гг. «Врачебно-санитарная хроника города Томска», 1913.

Прививка оспы и заболевания глаз. «Медицинское обозрение», 1913, № 15.

Общество врачей Восточной Сибири в г. Иркутске. «Сибирский врач», 1913, № 1.

Некоторые данные о неизлечимой слепоте в Томске. «Сибирский врач», 1914, № 48—51.

Терапия трахомы последних лет. «Сибирский врач», 1914, № 31—32.

К вопросу о значении микроорганизмов из типа кишечной палочки в патологии глаза. «Вестник офтальмологии», 1914, т. 31, № 1.

Случай цистицерка век. «Сибирский врач», 1915, № 33—34.

Отчет о состоянии специальной глазной помощи населению гор. Томска за время с 1 мая до 1 сентября 1915 г. «Врачебно-санитарная хроника г. Томска», 1915.

Медицинский отчет по главному отделению амбулатории Томской городской лечебницы за 1914 год. «Врачебно-санитарная хроника г. Томска», 1915.

Лечение язвенных процессов роговицы серноокислым цинком в крепких растворах. «Сибирский врач», 1916, № 45—46.

Случай амилоида век. «Сибирский врач», 1917, № 33—34.

Отдаленные результаты хирургического лечения трахомы. «Русский офтальмологический журнал», 1923, № 7.

Сифилис и глаз. «Сборник Пермского Окргздрава, посвященный вопросам борьбы с венерическими болезнями». Пермь, 1924.

Медицинский факультет Пермского государственного университета за первое десятилетие. «Звезда», 1926, № 236.

К вопросу о восстановлении всего века. «Сибирский архив теоретической и клинической медицины», 1927, т. 2, кн. 3—5.

С. В. Лобанов (биографический очерк). «Сибирский архив теоретической и клинической медицины», 1927, т. 2, кн. 11—12.

О профессиональных заболеваниях глаз. «Русский офтальмологический журнал», 1927, № 6.

Современное состояние вопроса о травматических повреждениях глаз. «Русский офтальмологический журнал», 1927, № 6.

Памяти врача Е. П. Серебренниковой. «Русский офтальмологический журнал», 1927, № 6.

Амилоид глаза. «Большая Медицинская Энциклопедия», 1928, т. 1.

К вопросу о лечении инфицированных ран после экстракции ката-

ракты. «Сибирский архив теоретической и клинической медицины». 1927, т. 2, кн. 11—12.

Чему учат нас случаи инфекции после экстракции катаракты. «Сибирский медицинский журнал», 1929, № 6—7.

Невралгия первой ветви тройничного нерва как симптом, иногда осложняющий экстракцию старческой катаракты в послеоперационном периоде. «Русский офтальмологический журнал», 1929, № 4—5.

Теневые стороны операции Панаса для исправления заворота век. «Архив офтальмологии», 1930, т. 7, ч. 6—7.

Болезни сосудистого тракта. В кн.: «Руководство по глазным болезням» (под редакцией Л. Г. Беллярминова и А. И. Мерца). М., 1930, стр. 545—601.

Проф. С. В. Лобанов (некролог). «Архив офтальмологии», 1930, т. 7, ч. 4—5.

Сергей Викторович Лобанов (некролог). «Русский офтальмологический журнал», 1930, № 2—3.

О работе глазных отрядов, организованных глазной клиникой ПГУ в Уралобласти с 1925 по 1929 гг. «Архив офтальмологии», 1930, ч. 4—5. То же: «Русский офтальмологический журнал», 1930, № 5.

О подготовке врачей — специалистов и окулистов, в частности, в связи с пятилетним планом строительства на Урале. Архив офтальмологии, 1930, ч. 4—5. То же: «Русский офтальмологический журнал», 1930, № 5.

Глазная клиника ПГУ за десять лет (1920—29 гг.). «Пермский медицинский журнал» (приложение), 1931, 60 стр.

О некоторых гнездах трахомы в Уральской области. «Вопросы трахомы», Казань, 1933, № 1.

Краткий исторический очерк жизни и деятельности Пермской первой клинической больницы... за 100 лет (1833—1933). В кн.: Юбилейный сборник научных работ, посвященный 100-летию Пермской первой клинической больницы, Пермь, 1934, стр. 5—16.

О глазной помощи населению Урала. Там же, стр. 181—189.

Указатель печатных работ, вышедших из Пермской первой клинической больницы. Там же, стр. 269—295.

О занятиях неизлечимо слепых медицинским массажем. «Советский вестник офтальмологии», 1934, т. 5, № 1.

К вопросу о показаниях к операции Вихеркевича. «Сборник в ознаменование сорокалетней научной деятельности заслуж. деятеля наук М. И. Авербаха», М., 1935, стр. 574—577.

Глазная клиника ПГУ за пять лет (1930—1934 гг.). Пермь, 1935, 131 стр.

Об одном осложнении после операции Шнеллера. В кн.: Сборник трудов, посвященный сорокалетию деятельности профессора В. Н. Долганова. Л., 1936, стр. 71—74.

Хрусталик. Большая Медицинская Энциклопедия, 1936, т. 34.

Памяти врача В. М. Малангина, «Советский вестник офтальмологии», 1936, № 5.

К вопросу об исправлении симблефарона орбиты по способу Моракса. «Вестник офтальмологии», 1937, т. 11, № 6.

Научно-исследовательская работа глазной клиники Пермского медицинского института за 16 лет (1920—1936 гг.). В кн.: Сборник научных работ, посвященный 100-летию Пермской клинической больницы. Пермь, 1938, стр. 123—128.

О болезнях глаз среди населения Урала. Там же, стр. 129—133.

Медицинская помощь при глазных заболеваниях в Свердловской области (1917—1937 гг.). — Труды Свердловского медицинского института, научно-исследовательского института и Свердловского облздравотдела». Сборник № 11, 1940.

О лечении трахомы в условиях сельского врачебного участка. «Советская медицина», 1942, № 3—4.

К технике восстановления век. «Труды 1-ой конференции офтальмологов эвакогоспиталей и 7-ой научной сессии Центрального офтальмологического института им. Гельмгольца», 1946. То же: «Вестник офтальмологии», 1946, № 2.

Общая характеристика внутриглазных инородных тел. В кн.: «Боевые повреждения глаз и их лечение», 1947, стр. 126—133.

Простой способ — Вельтера — для определения места залегания инородного тела в глазу. В кн.: «К семидесятилетию академика В. П. Филатова», Одесса, 1946.

Клиника глазных болезней Пермского мединститута за 10 лет (1935—1944 гг.). Пермь, 1949, 162 стр.

К вопросу о лечении трахоматозного паннуса периррафией. «Вестник офтальмологии», 1949, № 6.

Пионеры офтальмохирургии на Урале. «Вестник офтальмологии», 1954, № 2.

Хирургическое лечение трахомы. Методическое письмо. Пермь, 1956, 8 стр.

О поздних осложнениях после операции Ридлея. «Вестник офтальмологии», 1957, № 3.

Операции на радужной оболочке. В кн.: «Руководство по глазным болезням». Т. 5, М., 1960, стр. 87—107.

Рецензии П. И. Чистякова

Одинцов В. П. и Орлов К. Х. Руководство глазной хирургии. Тт. 1—2, 1933—1934. «Советский вестник офтальмологии», 1935, № 5, стр. 752.

Аронов Д. М. Слепота на Урале. Свердловск, 1934. «Советский вестник офтальмологии», 1935, № 4, стр. 593.

Советское медицинское реферативное обозрение. Глазные болезни. 1955. «Вестник офтальмологии», 1956, № 2.

Архангельский В. Н. Глазные болезни. Пособие для участкового врача. М., 1957. «Вестник офтальмологии», 1957, № 4.

Здравоохранение и медицина в Северной Осетии. Тт. 1—2. 1958—1959. «Вестник офтальмологии», 1959, № 6.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ

Летопись для внесения различных событий из жизни глазной клиники Пермского мединститута. 26 стр. (Архив Пермской глазной клиники).

Страничка из моей жизни. 13 стр. машинописи. (Архив Пермской глазной клиники).

Глаукома у врачей. 13 стр. машинописи. (Архив Пермской глазной клиники).

Главнейшие факторы, задерживающие ликвидацию трахомы в затрахомленных районах. 10 стр. машинописи. (Архив Пермской глазной клиники).

Медицинский факультет ПГУ (к 10-летнему юбилею университета). Государственный архив Пермской области (ГАПО), ф. 180, оп. 1, д. 202.

Рецензия на «Ученые записки и информационно-методические материалы Московского научно-исследовательского института глазных болезней им. Гельмгольца», № 5, 1957. Рукопись — 36 стр. (Архив Пермской глазной клиники).

Медицинский факультет Пермского государственного университета (1916—1930). 1947, 72 стр. машинописи. (Архив библиотеки Пермского медицинского института).

ЛИТЕРАТУРА О П. И. ЧИСТЯКОВЕ

Отчет особого отдела по предупреждению слепоты за 1904 год. Под ред. В. Н. Долганова. П., 1905, стр. 6—7, 32, 35, 54—55 и др.

Отчет особого отдела по предупреждению слепоты за 1905 год. П., 1906, стр. 9—10, 13—19, 28, 46, 63, 73, 83 и др.

З. Каминская. Рецензия на книгу П. И. Чистякова «Глазная клиника ПГУ за 10 лет». Архив офтальмологии, 1931, т. 8, стр. 264—265.

В. И. Спасский. Мой опыт хирургического лечения трахомы. Уфа, 1940.

Д. Футер. Рецензия на «Сборник научных работ, посвященных 100-летию Пермской клинической больницы». «Клиническая медицина», 1940, № 2—3, стр. 158.

И. Ф. Воробьев. П. И. Чистяков. В кн.: «Сборник научных работ, посвященный 45-летию научно-педагогической, врачебной и общественной деятельности заслуж. деятеля науки профессора П. И. Чистякова». Пермь, 1949, стр. 3—7.

А. Е. Твердова. П. И. Чистяков. «Медик Урала», 1957, № 22.

Научная конференция, посвященная истории медицины Сибири (тезисы докладов). Томск, 1955.

Н. А. Плетнева. Глазные болезни. М., 1956, стр. 11.

Профессор П. И. Чистяков. «Вестник офтальмологии», 1957, № 4.

Чествование юбиляра. «Медик Урала», 1958, № 5.

Большая жизнь. «Звезда», 1957, № 208.

Юбилей ученого-врача. «Урал», 1958, № 4.

Павел Иванович Чистяков (некролог). «Вестник офтальмологии», 1960, № 2, стр. 61—62.

А. Г. Сватикова. К семидесятилетию Томской глазной клиники. В кн.: «Сборник работ, посвященных 70-летию Томской глазной клиники». Томск, 1961, стр. 3—8, 18, 22, 25.

Г. Л. Старков. Томская глазная клиника как организатор глазной помощи в Сибири. Там же, стр. 74—75.

Н. М. Стариков. Первые годы жизни и деятельности профессора П. И. Чистякова (по архивным материалам). 5 стр. машинописи. (Хранится в личном архиве автора).

А. Е. Твердова. Биографические сведения. В кн.: «Сборник научно-практических работ по офтальмологии, посвященный памяти Павла Ивановича Чистякова. Пермь, 1962.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Личное дело профессора П. И. Чистякова. 2 т. (Хранится в отделе кадров Пермского медицинского института).

Государственный архив Пермской области: ф. 180, оп. 1, дд. 86, 88, 165, 169, 202, 338; ф. 180, оп. 10, дд. 44, 74; ф. 132, оп. 1, д. 146; ф. 15, оп. 1, д. 78; ф. 15, оп. доп. д. 33.

ПИСЬМА К П. И. ЧИСТЯКОВУ:

М. И. Авербаха, А. Н. Алаева, В. Н. Архангельского, П. В. Бутягина, П. С. Богословского, А. П. Владыченского, И. Ф. Воробьева, Т. И. Ерошевского, С. Ф. Кальфа, П. Н. Карташова, И. А. Кобозева, А. А. Колена, Э. Ф. Левксевой, С. В. Лобанова, Г. Г. Логинова, А. А. Любимова, Р. Х. Микаэляна, А. Н. Миславского, А. Н. Мурзина, А. И. Нестерова, К. А. Нижегородцева, В. П. Одинцова, В. М. Остроумова, А. Ф. Пальмова, К. М. Панушкиной, Б. В. Парина, Н. А. Плетневой, А. И. Покровского, Н. Я. Похисова, А. М. Родигиной, А. С. Савваитова, А. Г. Сватиковой, Г. Е. Сибирцева, А. А. Суконщиковой, Ф. Ф. Сысоева, П. Е. Тихомирова, А. Н. Чичкановой и др. (всего 217 писем). (Хранятся в личном архиве автора).

Поздравительные телеграммы, письма, адреса от общественных организаций, учреждений, коллективов глазных клиник страны по случаю 90 лет жизни и 55 лет научно-педагогической и общественной деятельности П. И. Чистякова. (Хранятся в личном архиве автора).

ВОСПОМИНАНИЯ О П. И. ЧИСТЯКОВЕ:

В. Н. Архангельского, С. А. Ашихмина, П. С. Богословского, И. П. Бутягина, Т. Д. Васильевой, И. Л. Вахнина, А. Г. Вершининой, К. Л. Голшмидта, Ю. Е. Горячева, А. С. Дашевского, Е. И. Корнеевской, М. К. Кунстман, А. А. Любимова, М. М. Миславской, М. П. Морозовой, Р. И. Морозовой, А. И. Нестерова, К. М. Панушкиной, В. В. Парина, В. В. Плешкова, Е. И. Редкиной, А. Ф. Саначевой, А. Г. Сватиковой, В. Т. Селезневой, А. П. Соколова, К. Н. Черепнина, А. Е. Твердовой, С. П. Чистякова и др. (Хранятся в личном архиве автора).

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Авербах М. И.** Офтальмологические очерки. М., 1949.
- Архангельский П. Ф.** Сорок лет советской офтальмологии. «Вестник офтальмологии», 1957, № 5.
- Беляев И. А.** О влиянии метилового алкоголя на орган зрения. Саратов, 1920.
- Беллярминов Л. Г. и Мерц А. И.** Глазные болезни, Л., 1930.
- Большая Медицинская Энциклопедия.** Изд. 1—2.
- Вересаев В. В.** Записки врача. Полн. собр. соч., т. 2. М., 1929.
- Виноградов Н. А.** Роль русского врача в охране здоровья народа. М., 1954.
- Воинова Т. И.** Борьба с трахомой в СССР за 40 лет. «Вестник офтальмологии», 1957, № 5.
- Воробьев И. Ф.** Происхождение отслойки сетчатки и способы ее лечения. Предисловие П. И. Чистякова. Пермь, 1936.
- Воробьев И. Ф.** Действие металлических инородных тел на глаз и о выносливости к ним глаза. Пермь, 1948.
- Воспоминания о В. И. Ленине,** т. 1, М., 1956.
- Данилевский В. Я.** Врач, его призвание и образование. Харьков, 1921.
- Делов В. С.** Материалы для истории офтальмологии в России. Спб., 1895.
- Дембо Г.** Великое дело. «Практический врач», 1905, № 19.
- «Звезда»**, Пермь, 1923, 1924, 1925, 1926, 1927, 1949, 1957.
- Казас И. И.** К патологии метил-алкогольного амавроза. «Вестник офтальмологии», 1913, № 1.

- Лазарев Е. Г.** К вопросу о медобразовании. «Советский вестник офтальмологии», 1935, № 1.
- Лик Эрвин.** Врач и его призвание. (Мысли еретика). М., 1926.
- Лобанов С. В.** О врачах и медицине. Томск. 1914.
- Малангин В. М.** К вопросу о трахоме и о борьбе с нею в Коми-Пермяцком крае. «Русский офтальмологический журнал», 1933, № 4.
- Первушин В. П.** Пермская первая клиническая больница как основная клиническая база Пермского медицинского института. В кн.: «Юбилейный сборник научных работ, посвященных столетию Пермской первой клинической больницы». Пермь, 1934.
- Пирогов Н. И.** Дневник старого врача. Спб., 1916.
- Пондоев Г.** Заметки врача. Тбилиси, 1947.
- Родигина А. М.** Пневмококковый бактериофаг и его применение для лечения ползучей язвы роговицы. Пермь, 1938.
- Руководство по глазным болезням.** Тт. II, IV, V. Под ред. В. Н. Архангельского. М., 1959—1960.
- Самойлов А. Я.** Из истории отечественной офтальмологии. М., 1949.
- Самсонов В. М.** К вопросу о трахоме. (Материалы по изучению трахомы в земстве). Диссертация. Спб., 1910.
- Семашко Н. А.** Основы советского здравоохранения и офтальмология. «Вестник офтальмологии», 1947, № 5.
- Соколов А. П.** К сорокалетию высшего медицинского образования в Перми, 1956, 12 стр. машинописи. (Архив библиотеки Пермского медицинского института).
- Сорок лет советского здравоохранения.** 1917—1957 гг. Под ред. М. Д. Кобригиной. М., 1957.
- Сусловський Ол.** Людині повернено зір. Львів, 1957.
- Тальковский С. И.** Офтальмогельминтозы. М., 1952.
- Труд и быт советского врача.** Харьков, 1928.
- Чехов А. П.** Из Сибири. Остров Сахалин. Собр. соч., т. 10, М., 1956.
- Чирковский В. В.** Трахома. Л., 1953.
- Чичканова А. Н.** Роль аллергии в патогенезе некоторых глазных заболеваний. Пермь, 1944.
- Юдин К. А.** Отчет о научной командировке за границу в 1913. Саратов. 1914.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Учитель	3
«Страничка из моей жизни»	4
Самый счастливый день	8
В море трахомы	11
Доктор медицины	18
За границей	22
Для народа, вместе с народом	27
В Перми	32
Сначала для людей	40
Заслуженный деятель науки	44
Трактат о кадрах	55
Трактат о старости	64
Больной не должен ждать	70
Живой с живыми	76
Примечания	86
Литература и архивные материалы	87

Виктор Сергеевич Бабушкин

ПРОФЕССОР П. И. ЧИСТЯКОВ

Редактор *Т. И. Вершинин*

Художник *В. Ф. Кузин*

Художественный редактор *М. В. Тарасова*

Технический редактор *Г. М. Езов*

Корректор *Л. К. Крамаренко*

Подписано к печати 3/V 1962 г.

Формат 60×84^{1/16} 3 бум. л. 6 печ. л. (усл.-прив. 5,46) Уч.-изд. 5,86 л.
ЛБ08107. Тираж 5000 экз. Цена 18 к.

2-я книжная типография облполиграфиздата.
Пермь, ул. Коммунистическая, 57. Зак. 525.

СЕРИЯ БРОШЮР

«ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ ПРИКАМЬЯ»

Вышли из печати

Аликина Н. А. Большевик Михаил Туркин. Пермь, 1957, 60 стр., цена 10 коп.

Аликина Н. А. Инженер-коммунист Александр Кузьмин. Пермь, 1959, 22 стр., цена 12 коп.

Бабушкин В. С. Врач Е. П. Серебренникова. Пермь, 1957, 48 стр., цена 9 коп.

Вишневский Б. Н. Путешественник Кирилл Хлебников. Пермь, 1957, 60 стр., цена 11 коп.

Дубилет Н. И. Капитан Пирожков. Пермь, 1958, 47 стр., цена 8 коп.

Исхаков В. М. Мулланур Вахитов. Пермь, 1958, 56 стр., цена 10 коп.

Исхаков В. М. Хусаин Мавлютов. Пермь, 1961, 36 стр., цена 5 коп.

Кондауров И. А. Лев Шатров — вожак молодежи. Пермь, 1960, 32 стр., цена 5 коп.

Коновалов И. Ф. и Титов Н. П. Командир бронепоезда Иван Деменев. Пермь, 1960, 28 стр., цена 5 коп.

Лукьянова Е. Н. Александр Борчанинов. Пермь, 1957, 72 стр., цена 13 коп.

Мартынов М. Н. Пугачевский атаман Иван Белобородов. Пермь, 1958, 60 стр., цена 12 коп.

Мокроусов С. И. Герой Советского Союза Борис Пирожков. Пермь, 1959, 53 стр., цена 10 коп.

Мухин В. В. Ермак Тимофеевич. Пермь, 1957, 46 стр., цена 9 коп.

Николаев С. Ф. Хранители леса (Александр Ефимович и Федор Александрович Теплоуховы). Пермь, 1957, 48 стр., цена 9 коп.

Николаев С. Ф. Испытатель природы Павел Васильевич Сюзев. Пермь, 1958, 56 стр., цена 10 коп.

Николаев С. Ф. Доктор ботаники А. Г. Генкель. Пермь, 1959, 56 стр., цена 11 коп.

Селезнева В. Т. Штаб-лекарь И. В. Протасов. Пермь, 1962, 38 стр., цена 6 коп.

Субботина И. П. Художник Субботин-Пермяк. Пермь, 1959, 48 стр., цена 8 коп.

Тиунов Г. З. Комсомолец Иван Раксин. Пермь, 1959, 52 стр., цена 9 коп.

Шарц А. К. Первооткрыватель калия Н. П. Рязанцев. Пермь, 1957, 32 стр., цена 6 коп.

Шарц А. К. Первооткрыватель угля М. И. Югов. Пермь, 1958, 24 стр., цена 5 коп.

Шарц А. К. Академик архитектуры И. И. Связев. Пермь, 1959, 32 стр., цена 4 коп.